

ГОВОРЯЩИЕ КОСТИ

ДИНАСТИЯ ОДУВАНЧИКА

Книга 4

КЕН ЛЮ

Звезды новой фэнтези

Кен Лю

**Династия Одуванчика.
Книга 4. Говорящие кости**

«Азбука»

2022

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Лю К.

Династия Одуванчика. Книга 4. Говорящие кости / К. Лю —
«Азбука», 2022 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-31299-9

Кен Лю – американский писатель китайского происхождения, переводчик, лауреат премий «Небьюла», «Хьюго» «Локус» и Всемирной премии фэнтези. Перевод на английский язык культового романа «Задача трех тел» Лю Цысиня принес ему настоящую славу. В 2015 году увидел свет первый роман, написанный самим Кеном Лю, – «Милость королей», флагман цикла «Династия Одуванчика». В цикл входят четыре романа, и, по отзывам прессы, эта «эпопея способна утолить читательскую жажду» (The New York Times). Нешуточные страсти кипят как в Дара, так и в Укью-Тааса. Противостояние между Фиро и Джаи достигло наивысшей точки. Отважный харизматичный император без труда завоевывает сердца подданных, но он слишком молод и прямолинеен, чтобы разгадать хитроумные замыслы регента и понять: на самом деле всё не так, как кажется. Гордая, своенравная Танванаки и сама не замечает, как становится игрушкой в чужих руках. Тиму по-прежнему не теряет надежды, следуя заветам моралистов, создать идеальное государство. Юная Фара мечтает наполнить свою жизнь любовью и искусством, однако, будучи принцессой Дома Одуванчика, никак не может остаться в стороне от политики. А тем временем далеко за океаном Тэра и Таквал, не сломленные страшной трагедией в долине Кири, продолжают отчаянную борьбу, вербуя себе новых союзников из числа северных народов... Завершающий роман цикла «Династия Одуванчика». Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-31299-9

© Лю К., 2022

© Азбука, 2022

Содержание

Правила произношения, транслитерации и перевода	9
Список главных персонажей	10
Часть первая	14
Глава 1	14
Глава 2	18
Глава 3	25
Глава 4	32
Глава 5	44
Глава 6	57
Глава 7	64
Глава 8	74
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Кен Лю
Династия Одуванчика.
Книга 4: Говорящие кости

Посвящается всем, кто в служении мутагэ выложил зубы на доску

Серия «*Звезды новой фэнтези*»

Ken Liu

SPEAKING BONES

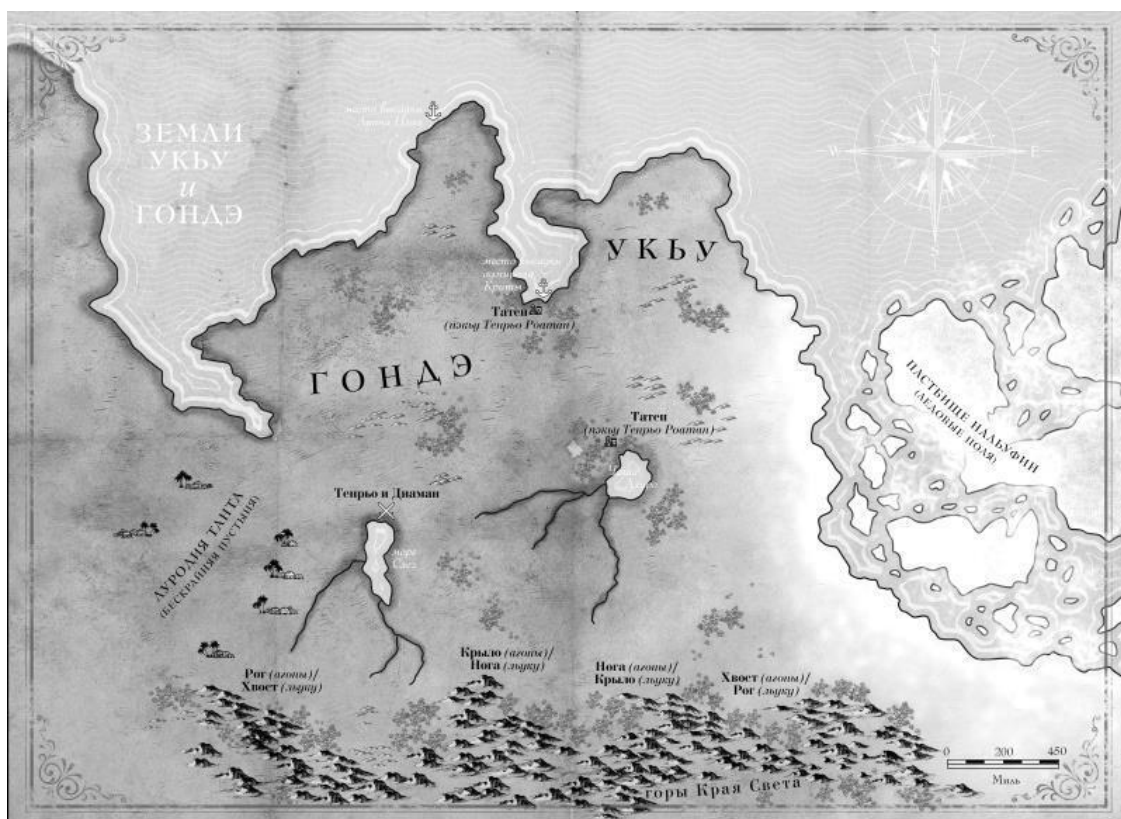
Copyright © 2022 by Ken Liu

Published in agreement with the author,

c/o BAROR INTERNATIONAL, INC., Armonk, New York, U.S.A.

All rights reserved

Перевод с английского *Александра Яковлева*

Карты выполнены *Александром Сабуровым, Татьяной Павловой*

© А. Л. Яковлев, перевод, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

Правила произношения, транслитерации и перевода

Многие имена собственные на языке дара взяты из классического ано. В книгах данного цикла при транслитерации двойные гласные не сдвигаются, а каждая произносится отдельно: например, в слове «Réfígoa» четыре слога – ре-фи-ро-а; а в «Na-agoénpa» пять слогов – на-а-ро-эн-на. Звук «и» всегда произносится кратко; «о» – как обычное «о»; буква «й» с двумя точками наверху аналогична умляуту в немецком языке или в системе транскрипции китайских иероглифов пиньинь.

Другие имена и географические названия имеют различное происхождение и не содержат звуков классического ано: например, «кса» в «Ксана» (Хапа) или «ха» в «Хаан» (Наан), но и в этих случаях каждый гласный звук произносится отдельно. Таким образом, в слове «Хаан» тоже два слога.

Среди недостаточно образованных жителей Дара бытует мнение, что классический ано – единый фиксированный язык, не менявшийся веками. Тем не менее оно не соответствует истине. Будучи основным литературным языком, на котором проводилось обучение и составлялись официальные документы, «классический» ано постоянно развивался, подвергаясь влиянию разговорного языка, новых народов, идей и обычаев.

Летописцы и поэты на основе корней классического ано создавали неологизмы, а также новые логограммы для их записи и даже новые грамматические формы, которые изначально считались неправильными, но со временем принимались стилистами вопреки настояниям грамматиков-моралистов.

Наиболее наглядно изменения в классическом ано видны на примере самих логограмм. Однако их можно заметить также и в транслитерации (не будем пока что заострять внимание на том, каким образом изменилась устная речь). Классический ано, на котором записывал свои наблюдения Кон Фиджи, и классический ано, на котором Воку Фирна сочинял свои стихотворения, – это два разных языка.

Передача имен собственных и прочих слов из языков льюку и агонв является проблемой иного рода. Поскольку в данной серии романов мы впервые знакомимся с ними через языки народов Дара, они дважды подверглись преобразованию, что неизбежно привело к определенным потерям и искажениям. Точно так же носители английского языка, пытающиеся транслитерировать при помощи латиницы услышанные ими китайские слова, достигают лишь отдаленного сходства с оригинальными звуками.

В языках льюку и агонв нет формы множественного числа. Для удобства некоторые слова, такие как «гаринафин», на страницах книг про династию Одуванчика склоняются по правилам родного языка читателей. Однако другие, менее распространенные слова и выражения, сохраняют свою изначальную форму неизменной.

Слова «дара» и «льюку» могут означать как народ, так и язык, на котором этот народ говорит, а также культуру данного народа и даже конкретного ее представителя. Это позволяет в полной мере отразить то, какую роль играет язык для коренных представителей вышеупомянутых культур.

Как и во всех вопросах, связанных с переводом, транслитерацией, ассимиляцией, адаптацией и языковыми заимствованиями, такой подход не является идеальным, но, вероятно, вполне уместен для так называемого «перевспоминания» истории.

Список главных персонажей

ХРИЗАНТЕМЫ И ОДУВАНЧИКИ

Куни Гару – император Рагин, повелитель Дара; погиб в битве в заливе Затин, но тело его не было найдено.

Мата Цзинду – покойный Гегемон Дара, которому до сих пор поклоняются приверженцы ряда культов на островах Туноа и которого солдаты почитают за образец воинской доблести и чести.

ДВОР ОДУВАНЧИКА

Джиа Матиза – императрица, регент Дара, умелая травница.

Рисана – иллюзионистка и талантливый музыкант, посмертно получившая право зваться императрицей Дара.

Кадо Гару – старший брат Куни, имеющий формальный титул короля Дасу; отец принца Гимото.

Кого Йелу – премьер-министр Дара, один из старейших чиновников при Дворе Одуванчика.

Дзоми Кидосу – секретарь предусмотрительности, блестящая ученица Луана Цзиаджи и известная изобретательница; любовница принцессы Тэры.

Гин Мадзоти – маршал Дара, королева Гэджиры, величайший тактик своего времени; несмотря на свою гибель, принесла Дара победу в битве в заливе Затин; мать Аيي Мадзоти.

Тан Каруконо – главнокомандующий кавалерией и первый адмирал флота.

Пума Йему – маркиз Порины, знаток тактики набегов.

Сото Цзинду – советница и наперсница Джиа; родная тетя Маты Цзинду.

Ви – глава «плавников дирана», верно служащая императрице Джиа.

Шидо – «плавник дирана».

Госпожа Раги – сирота, воспитанная Джиа; тайный агент императрицы.

Гори Рутти – племянник покойного императорского наставника Дзато Рутти, муж госпожи Раги; известный ученый-моралист.

ДЕТИ ДОМА ОДУВАНЧИКА

Принц Тиму (детское имя *Тото-тика*) – император Такэ, правитель Укью-Тааса; первенец Куни Гару, сын императрицы Джиа; супруг Танванаки.

Принцесса Тэра (детское имя *Рата-тика*) – дочь Куни Гару и Джиа, официально провозглашенная отцом в качестве наследницы Трона Одуванчика; прежде была известна как императрица Юна, но отреклась от престола в пользу младшего брата Фиро, чтобы выйти замуж за Таквала Арагоза и отправиться в Укью-Гондэ сражаться с льюку.

Принц Фиро (детское имя *Хадотика*) – император Монадэту, номинальный правитель Дара; сын Куни Гару и покойной императрицы Рисаны.

Принцесса Фара (детское имя *Ада-тика*) – художница и собирательница фольклора; младшая из детей Куни Гару, дочь королевы-консорты Фины, умершей в родах.

Принцесса Айя – дочь Гин Мадзоти и Луана Цзиаджи; пожалована титулом имперской принцессы в знак признательности за заслуги матери.

Принц Гимото – сын Кадо Гару, старшего брата Куни.

УЧЕНЫЕ ДАРА

Луан Цзиаджи – главный стратег во время восхождения Куни Гару на Трон Одуванчика, возлюбленный Гин Мадзоти; отправился в Укью-Гондэ и открыл тайну возникновения временных проходов в Стене Бурь; при жизни звался Луан Цзиа.

Дзато Рутти – учитель и наставник детей императора, ведущий моралист своего времени.

Кон Фиджи – древний философ ано, основатель школы Морали.

Поти Маджи – древний философ ано, наиболее известный ученик Кона Фиджи.

Ра Оджи – древний поэт ано, прославившийся своими эпиграммами; основатель школы Потока.

Юшин Пидаджи – древний философ ано, наиболее известный ученик Ра Оджи.

На Моджи – древний инженер из Ксаны, изучавший полет птиц; основатель школы Модели.

Ги Анджи – более поздний философ эпохи государств Тиро; основатель школы Воспламенения.

Кита Ту – директор Императорских лабораторий в Гинпене; во время войны с льюку занимался исследованиями огненного дыхания гаринафинов.

Мидза Крун – известный исследователь шелкокрапинной силы, бывший уличный фокусник.

УКЬУ-ТААСА

Тенрьо Роатан – пэкью льюку, узурпировавший титул, убив собственного отца, Толурору. Завоеватель степей, предводитель вторжения в Дара; погиб в битве в заливе Затин.

Вадью Роатан (по прозвищу Танванаки) – дочь Тенрьо, лучшая наездница гаринафинов и нынешняя пэкью Укью-Тааса; жена Тиму.

Тодью Роатан (детское имя Дью-тика) – сын Тиму и Танванаки.

Дьяна Роатан (детское имя Заза-тика) – дочь Тиму и Танванаки.

Воку Фирна – тан, приближенный к Тиму; поэт.

Кутанрово Ага – влиятельный тан, командующая силами обороны столицы.

Гозтан Рьото – влиятельный тан, соперница Кутанрово.

Саво Рьото – сын Гозтан, также известный под именем дара Кинри Рито.

Надзу Тей – ученая, наставница Саво.

Нода Ми – министр при дворе Танванаки и Тиму; предал Гин Мадзоти во время битвы в заливе Затин.

Вира Пин – министр при дворе Танванаки и Тиму; однажды пытался убедить принца Тиму сдать льюку и пэкью Тенрьо.

Офлуро – умелый наездник, знающий все о гаринафинах.

Госпожа Сока – жена Офлуро; одна из редких чужеземцев, которым льюку позволили обучиться езде на гаринафине.

Руфюра Тан – молодой наездник гаринафинов.

ЦВЕТОЧНАЯ БАНДА И «ВЕЛИКОЛЕПНАЯ ВАЗА»

Рати Йера – предводительница Цветочной банды; неграмотная изобретательница удивительных механизмов.

Мота Кифи – член Цветочной банды, своей невероятной силой способный соперничать с Матой Цзинду; выживший участник битвы в заливе Затин.

Арона Тарэ – член Цветочной банды; актриса.

Види Тукру – член Цветочной банды; адвокат.

Вдова Васу – глава клана Васу, госпожа-хозяйка «Великолепной вазы»; знала Куни Гару еще в бытность его юношей.

Мати Фи – повар в «Великолепной вазе».

Лодан То – старшая подавальщица в «Великолепной вазе»; жена Мати.

Тифан Хуто – младший сын главы клана Хуто, соперников клана Васу.

Модзо Му – молодая повариха на службе у Тифана Хуто; прапраправнучка Суды Му, легендарного повара эпохи государств Тиро.

Лолотика Тунэ (Лоло) – старшая куртизанка «Птичника», наиболее знаменитого дома индиго в Гинпене; ведущая кулинарных поединков и актриса.

Сэка Ту – племянник Киты Ту, молодой ученый; соведущий Лолотики.

ПРОЧИЕ В ДАРА

Настоятель Разбитый Топор – глава храма Спокойных и журчащих вод в горах Римы.

Дзен-Кара – ученая; дочь вождя Кайзена с островов Тан-Адю.

Рэдза Мюи – возмутительница спокойствия.

Эги и Асулу – солдаты Панского гарнизона.

Кисли Пэро – ученая, работающая в одной из Императорских лабораторий Последнего Укуса.

Темурури – опытная воздухоплавательница, адмирал.

НА БОРТУ «ПРОГОНЯЮЩЕЙ СКОРБЬ»

Радзутана Пон – ученый, представитель школы Возделывания.

Сами Фитадану – ученая, получившая образование в рамках императорской программы «Золотой карп»; специалист по китам.

Митцу Росо – адмирал, главнокомандующий экспедицией в Укью-Гондэ.

Нмэдэжи Гон – капитан судна.

Типо То – бывший офицер военно-воздушных сил; командор морских пехотинцев на борту «Прогоняющей скорбь».

Торьо – таинственная безбилетная пассажирка.

ЛЬУКУ

Толурору Роатан – предводитель льуку, объединивший отдельные их племена.

Кудью Роатан – вождь льуку; сын Тенрьо, внук Толурору.

Тово Тасарику – тан, пользующийся особым доверием Кудью.

Тооф – наездник гаринафина.

Радия – наездница гаринафина.

Саоф – патрульный в Татене.

АГОНЫ

Нобо Арагоз – предводитель агонов, объединивший отдельные их племена.

Соулийян Арагоз – младшая дочь Нобо Арагоза; мать Таквала.

Вольу Арагоз – младший сын Нобо Арагоза; вождь агонов.

Таквал Арагоз – пэкью-тааса агонов; муж Тэры.

Танто Гару Арагоз (детское имя Кунило-тика) – старший сын Тэры и Таквала.

Рокири Гару Арагоз (детское имя Джэиан-тика) – младший сын Тэры и Таквала.

Вара Роналек – тан-ветеран, противница отказа от использования гаринафинов в бою.

Годзофин – воин, искусный изготовитель игрушек арукуро токуа.

Налу – сын Годзофина.

Адьулек – старая шаманка, специалист по духовным портретам.

Сатаари – молодая шаманка.

Аратен – тан, пользующийся особым доверием Таквала.

Китос – уважаемый вождь ледового племени, союзник Таквала.

БОГИ ДАРА

Киджи – покровитель Ксаны; повелитель воздуха; бог ветра, полета и птиц. Носит белый дорожный плащ. Пави – сокол-минген. В Укью-Тааса отождествляется с Пэа, божеством, подавшим людям гаринафинов.

Тутутика – покровительница Аму; младшая из богов; богиня земледелия, красоты и пресной воды. Пави – золотой карп. В Укью-Тааса отождествляется с Алуро, Госпожой Тысячи Потоков.

Кана и *Рапа* – сестры-близнецы, покровительницы Кокру. Кана – богиня огня, пепла и смерти; Рапа – богиня льда, снега и сна. Пави – два ворона: черный и белый. В Укью-Тааса отождествляются с Кудьуфин, Солнечным Колодцем, и Нальуфин, Ледяным Столпом, ненавистницей.

Руфидзо – покровитель Фасы; божественный целитель. Пави – голубь. В Укью-Тааса отождествляется с Торьояной, длинношерстным быком, приглядывающим за коровами и овцами.

Тацзу – покровитель Гана; непредсказуемый и непостоянный, любитель хаоса и риска; бог морских течений, цунами, ураганов и затонувших сокровищ. Пави – акула. В Укью-Тааса отождествляется (наряду с Луто) с Пэтенем, богом охотников и звероловов.

Луто – покровитель Хаана; бог рыбаков, прорицателей, математиков и ученых. Пави – морская черепаха. Покинул Дара, став смертным и отправившись в путешествие на борту «Прогоняющей скорбь».

Фитовэо – покровитель Римы; бог войны, охоты и кузнечного ремесла. Пави – волк. В Укью-Тааса отождествляется с богиней Диасой, ясноокой Палицей-Девой.

Часть первая

Цветы, побитые градом

Глава 1

Возвращение в Поток

Горы Края Света, пятый месяц девятого года после отбытия принцессы Тэры в Укью-Гондэ (за двенадцать месяцев до предполагаемого отправления новой флотилии льюку к берегам Дара)

На протяжении большей части зимы и весны немногочисленные уцелевшие мятежники из долины Кири жили в постоянном страхе.

Разумеется, можно было найти на западном склоне гор Края Света какое-нибудь укромное местечко и встать там лагерем, тщательно соблюдая осторожность, дабы не выдать ничем своего присутствия: не разводить костры, не мусорить и не шуметь. Вообще-то, они так и делали. Но всего лишь через несколько дней в южной части неба опять замечали преследователей-льюку верхом на гаринафинах, так что беглецам приходилось снова собирать вещи и отправляться в путь.

Типо То, недавно разрешившаяся от бремени и носившая новорожденного младенца на перевязи, в очередной раз предложила предпринять попытку перебраться через гряды могучих пиков, возвышавшихся на востоке, на противоположный склон гор, но большинство уцелевших агонских воинов решительно возражали против такого плана. Пересечь горы означало вторгнуться во владения богов, а для смертных подобный поступок просто немислим.

– Но именно это гарантирует нам безопасность, – возразила Типо. – Кудью Роатану и в голову не придет преследовать нас по другую сторону хребта.

Остальные выжившие дара согласно закивали: подобный выход напрашивался сам собой.

Но Таквал и его воины смотрели на женщину так, словно бы она несла невероятную чушь.

– Только посмотрите на эти пики, – сказал Таквал, указывая на снежные шапки гор. – Мы еще и до середины склона не добрались, а уже все дрожат и дышат с трудом. Чем выше мы станем подниматься, тем сильнее будет холод. Да и Алкир не способен летать так высоко.

– Мы совершим переход пешком, – заявила Сами Фитадапу. – Существуют способы согреться. Нам нужен хоть какой-то план...

Старая шаманка Адьюлек раздраженно выругалась и ушла прочь.

– При всем моем уважении к дара, мне кажется, что вам сейчас не стоит проявлять инициативу, а лучше прислушаться к мнению агон, – заметил Годзофин.

Типо, Сами и остальные прикусили языки. После разгрома в долине Кири репутация союзников из Дара сильно пошатнулась. Народ Таквала винил Тэру в том, что она заставила их заниматься земледелием вместо охоты и скотоводства, принудила полагаться на заговоренное оружие дара вместо привычных орудий агон да вдобавок еще и убедила отложить нападение до тех пор, пока льюку не вернутся в Татен, вместо того чтобы последовать первоначальному плану Вольу Арагоза – нанести стремительный удар в район Чаши Алуро... И поскольку Тэра оказалась виновна в самом крупном поражении агон со времени гибели пэкью Нобо Арагоза, все ее достижения обратились в прах: главнейшим критерием для оценки вождя у степных народов является победа на поле боя.

Зима понемногу сменялась весной, а беглецы продолжали по-прежнему прятаться в горах и кочевать на север. Они не строили никаких далекоидущих планов: сегодня живы – и на том спасибо.

В то время как остальные выжившие дара буквально кипели от негодования, видя, как несправедливо обращаются агоны с их принцессой, сама Тэра хранила полную невозмутимость.

Точнее, она до сих пор пребывала в состоянии прострации, в которое впала после потери Кунило-тики и Джиана-тики. Когда Тэра не спала, то в основном сидела с отсутствующим видом, ощупывая пальцами мешочек, где хранились глиняные кубики с логограммами и старая шелковая маска с вышитыми по краям ягодами тольусы, такая поношенная, что уже почти превратилась в лохмотья. Принцесса не высказывала никаких предложений и не отдавала приказов, она безропотно подчинялась любым указаниям. У бедняжки просто-напросто не осталось сил, и сам процесс выживания казался ей невероятно тяжелой ношей.

Таквал, на плечах которого лежала ответственность за сохранение их маленького отряда, никогда не переставал заботиться о Тэре. Он нежно обнимал ее, когда они оставались одни в шатре и неустанно твердил жене о своей любви, пусть даже она и не отвечала ему. Он умолял Адьюлек испросить у богов помощи для Тэры, но старая шаманка лишь качала головой, поясняя, что ничего сделать не может, поскольку принцесса никогда не почитала богов Гондэ и не боялась их.

– Тэра не из агоней и слишком горда, чтобы принять нашу мудрость, – заявила Адьюлек. – Вероятно, ее сородичи редко теряют детей, а потому ей не хватает внутренних сил, чтобы восстановиться после такого удара. Оставь жену терпеть заслуженные страдания: в конце концов, именно ее упрямство навлекло на нас всех беду.

Таквал не соглашался с этим утверждением, но не мог убедить старую шаманку отбросить подозрения и предрассудки. В конце концов он попросил Торьо стать опекушкой для Тэры, в надежде, что безродная молодая женщина, обладающая незаурядным талантом к языкам, сумеет хоть как-то утешить принцессу на ее родном наречии дара.

Отныне Торьо все время проводила с принцессой. Она кормила и купала Тэру, тихонько напевала ей песни и привязывала ее к сетке рядом с собой, когда отряду требовалось совершить очередной перелет на гаринафине.

А еще она беседовала с Тэрой. Нет, девушка не рассуждала о стратегиях, интригах или идеалах. Она просто отводила свою подопечную на полянку в горном лесу, где повсюду цвели весенние цветы, или на обрывистый утес на закате, где среди багровых и золотых облаков порхали птицы, похожие на цветных рыбок в раскрашенном море. И тихо рассказывала принцессе об окружающей их красоте.

Однажды, после весеннего дождя, Торьо повела Тэру к возвышенному месту среди долины, где беглецы разбили очередной лагерь. Обе женщины уселись на валун. Все вокруг – деревья, трава, блестящие ягоды на кустах, похожие на яйца желтые грибы, выглядывающие из-под камня, на котором они устроились, – блестело от влаги. Воздух был необычайно свеж, а с противоположной от солнца стороны через небо перекинулся мост радуги.

– Больше всего я люблю взобраться на какое-нибудь высокое место после дождя! – воскликнула Торьо. – В такие моменты кажется, что весь мир рождается заново!

Тэра, как всегда, ничего не ответила. Но Торьо уловила какой-то скребущий звук, заставивший ее повернуть голову. К своему удивлению, она увидела, что ладони Тэры порхают у нее на коленях, как испуганные пташки, ища что-то такое, чего не существует. Девушка осторожно положила руку на кисти Тэры, умиряя ее беспокойные пальцы. Впервые за долгое время губы принцессы зашевелились, как если бы она пыталась что-то сказать.

Торьо наклонилась ближе. Голос Тэры звучал так тихо, что ей едва удалось разобрать слова:

– ...взбираться на высокое место... после весеннего дождя...

– Принцесса, с вами все хорошо? – испуганно спросила девушка.

Тэра заморгала, словно бы очнувшись от глубокого сна. Жизнь и цвет вернулись на ее безвольные щеки, а взгляд сфокусировался на Торьо. Принцесса откашлялась и заговорила хриплым после долгого молчания голосом:

– Некая знатная дама, с которой я встретилась много лет назад, сказала, что одно из величайших удовольствий в жизни – смотреть, как мир возрождается после дождя.

– Я полностью с ней согласна, – кивнула Торьо.

Слезы брызнули у Тэры из глаз, тело ее конвульсивно содрогнулось. Торьо обняла свою подопечную и положила ее голову себе на плечо, в точности как сама принцесса поступила с ней в Луродия Танта, когда Торьо совсем уже отчаялась, решив, что не сумеет выбраться из пустыни живой.

– Дзоми... Таквал... Дара... моя семья... мои сыновья... Все мертвы... Все, кого я касаюсь, страдают, гибнут, исчезают. Все вокруг рушится... Как же горько на сердце...

Торьо нежно гладила ее по спине, ничего не говоря. Прошло много времени, прежде чем стенания Тэры стихли.

– Когда вы еще только-только меня нашли, – сказала Торьо, – я, помнится, была безутешна, увидев плывущие по морю тела всех тех людей с города-корабля льюку, а также погибших дара. Как могут боги быть так жестоки, давая нам дар жизни затем только, чтобы его отнять?

Тэра села прямо, утерла слезы и стала внимательно слушать.

– Мне тут подумалось: а почему мы вообще должны верить в существование богов? – продолжила девушка. – Мудрецы ано говорят о Реке-по-которой-ничто-не-плавает, а агоны – о полете через горы Края Света на облачном гаринафине. Но вернулся ли хоть кто-нибудь из страны мертвых, чтобы подтвердить эти заявления? Сдается мне, что в этом мире нет ничего, кроме страха смерти. Смерть – вот единственная истина, против которой бессильно любое мужество. Так к чему проявлять отвагу и совершать подвиги? Почему бы просто не сдаться?

Тэра вздрогнула, услышав в словах Торьо отражение собственных пугающих мыслей.

– Я не нашла ответа ни в трактатах мудрецов ано, ни в преданиях агонских шаманов. Но у меня есть опыт восприятия мира через мои собственные ощущения. Смерть приходит ко всему: цветы вянут, деревья засыхают и теряют листья, солнце заходит, самое сильное животное с возрастом слабеет, голос угасает, сладкий аромат рассеивается, свет в самых ярких глазах меркнет. Однако красота не умирает никогда. Красота всегда возрождается.

Торьо протянула руку вперед, и Тэра, проследив за ее пальцем, приняла обещание радуги, впитывая его в себя.

– Вслед за зимой всякий раз наступает весна, и каждую смерть сопровождает обещание новой жизни. Испуская последний вздох, адмирал Миту Росо старался уберечь детей в долине Кири от волков. В ночь нападения льюку Соулийян Арагоз и Нмэджи Гон решили выиграть для нас немного времени ценой собственной жизни. Это вовсе не означает, что они не боялись смерти. Но они видели себя частью чего-то большего – великой Жизни, которая никогда не иссякнет, пока каждый из ее носителей отказывается уступить отчаянию.

– Ты говоришь о Потоке, – пробормотала Тэра, – в точности как та знатная дама, которая поделилась со мной семенами лотоса. Она вела речь о безграничном потенциале, что кроется в самом сердце пустоты, о вечно обновляющемся удовольствии простого *бытия*. Но мои ошибки...

– Я недостаточно мудра, чтобы знать волю богов или истинное русло жизни, – промолвила Торьо. – Я знаю только, что мир слишком велик, слишком прекрасен, слишком интересен, чтобы позволить чему-то ограничивать нас. Смерть берет верх только тогда, когда мы перестаем учиться и развиваться. Пока легкие наши поют от дара дыхания, мы не перестаем возвращаться обратно к Жизни.

Тэра ничего ей не ответила. Но она укрепила свое сердце и вновь открыла свои чувства, шагнув навстречу огненно-красному блеску ягод и землистому аромату грибов, далекой песне кукушки и нежной ласке весеннего ветра. Принцесса позволила себе погрузиться в Поток, словно бы нырнула в море вечности.

Глава 2

Город Призраков

Татен-рио-алвово, пятый месяц девятого года после отбытия принцессы Тэры в Укью-Гондэ (за двенадцать месяцев до предполагаемого отправления новой флотилии льюку к берегам Дара)

Когда весна вступила в свои права, холмистая область на восточном берегу моря Слез, известная как Татен-рио-алвово, Город Призраков, пробудилась к жизни.

Приближаясь к морю Слез, Призрачная река теряет юношеский задор и быстроту разбега, которую набрала от тающих снегов в горах, замедляется, разливается широко и течет с важной величавостью, пристойной зрелому возрасту. Задолго до того, как она достигает обширного озера в конце пути, большая часть ее вод всасывается в почву, обращая местность вдоль восточного берега моря Слез в гигантское болото.

Называемые Курганами холмы, образующие Город Призраков, вырастают из этой топкой поймы. Покрытые густым слоем сочной травы, они напоминают исполинских лохматых зверей, которые прилегли отдохнуть. Между отдельными курганами, там, где болота перемежаются участками сухой земли, видны заросли кустарников и даже целые рощицы деревьев, обрамленные цветами всех оттенков радуги, обещающих по осени урожай ягод. В пестрой тени растений порхают птицы и рыщут звери.

Зима для маленького отряда беглецов выдалась тяжелая. Воду добывали, растапливая нарубленный в озере лед. По счастью, на окраинах Курганов было достаточно сухой травы и хвороста для разведения костров. Поначалу Радзутана боялся, что дым привлечет преследователей, но Сатаари развеяла его опасения – никто не рискнет приблизиться к Городу Призраков: ни льюку, ни агоны, ни танто-лью-наро, ни даже боги.

Хотя охотники из Сатаари и Радзутаны были, прямо скажем, так себе, агонские дети под предводительством нестигаемого Налу, близкого друга Танто и Рокири, взяли на себя обязанность по обеспечению отряда провиантом. В этом предприятии им на руку сыграло то, что настоящие охотники никогда не посещали Курганы, а потому здешние звери и птицы не боялись человека. Даже в разгар зимы Налу и его отряд добывали зайцев, полевок, впавших в спячку ящериц и змей, а Радзутана и Сатаари откапывали коренья и клубни, находили запасы орешков, отложенных лунношкурами крысами близ Курганов. В общем, беглецам удавалось удерживать призрак голодной смерти на расстоянии. По большей части.

Пять маленьких тел лежали на окраине Курганов, почти скрытые буйной весенней растительностью. Теперь, когда насекомые и звери снова пробудились к жизни, мертвые дети вскоре претерпят пэдиато савага – путешествие, которое закончится их воссоединением с родителями на спинах облачных гаринафинов.

А печаль... Что ж, она как снег весной – не способна устоять перед настоятельными требованиями жизни, необходимостью двигаться дальше.

Несколько раз на протяжении зимы Радзутана предлагал переместить лагерь поглубже в Курганы, где, по его мнению, было значительно проще добывать еду, нежели здесь, на самой границе с солончаками. Но Сатаари и слышать об этом не желала, да и дети-агоны, включая благоразумного Налу, не видели в этом никакого смысла. Со временем Радзутана отступился и махнул на эту идею рукой.

Но с приходом весны он возобновил свои настоятельные просьбы. Догадки, которые ученый высказал еще зимой, подтверждались. Богатство Курганов по части растительности и дичи более не вызывало сомнений. Решение представлялось Радзутане очевидным: чтобы избежать трагедии минувшей зимы, надо углубиться непосредственно в Курганы, построить

там хижины, вырыть ямы для хранения припасов и потратить бо́льшую часть лета и осени на заготовку провизии к зимнему сезону.

Однако Сатаари упрямо качала головой, объясняя, что уплаченная ею Пра-Матери кровавая дань дает им право обитать лишь у самого края Курганов, но не проникать вглубь. Проторить тропу в Город Призраков означает приговорить к гибели весь отряд. Большинство детей-агонов согласно кивали, только Танто и Рокири пожимали плечами. Для них природа этого места оставалась загадкой.

– Почему вы ведете себя так, словно тут полно лавы или ядовитых миазмов? – в отчаянии спрашивал Радзутана. – Почему льуку и агоны никогда не селятся здесь, хотя это просто идеальный оазис?

– Потому что нам не дозволено тут жить.

– Это ничего не объясняет! Город Призраков – это... священное место?

– Нет, то есть да. – Сатаари отрицательно помотала головой, а потом кивнула. – Вернее, не совсем.

Сбитый с толку, Радзутана попробовал зайти с другого конца.

– Он... проклят?

Сатаари согласно кивнула, затем мотнула головой, после чего кивнула снова.

– Боюсь, я ничего не понимаю, – вздохнул ученый.

– Из-за этого места мы живем в жалкой Шестой эпохе, – ответила молодая шаманка. В голосе ее слышались одновременно благоговение и отвращение, почтение и ужас.

– Про эпохи человечества я знаю, – проговорил Радзутана. – А вот о курганах Татен-рио-алвово никогда не слышал.

– Потому что это печальная история, ее редко рассказывают, – пояснила Сатаари.

Они развели небольшой костер, а набору крошечных барабанчиков, сделанных из позвонков змеи и мышинных шкурок, предстояло заменить настоящие кактусовые барабаны. Когда дети собрались у питаемого сухой травой огня, дающего много дыма, Сатаари начала танцевать, петь и рассказывать.

Агоны и льуку верили, что мир родился из первозданного хаоса после совокупления Все-Отца и Пра-Матери. Но подобно тому, как родители в степи не могут рассчитывать на то, что каждый их отпрыск доживет до совершеннолетия, так и первые божества отнюдь не полагали, что их творение окажется вечным.

– Мир смертен так же, как и его обитатели, – заявила Сатаари.

Радзутана, Танто и Рокири вытягивали шеи, завороченно слушая ее.

– Льуку и агоны не были самыми первыми людьми. Боги переделывали мир снова и снова. Прежде Афир и Кикисаво существовали также и другие.

Во время Первой эпохи человечества мир был плоским, как только что выделанный кусок пергамента для голосовых картин, и сухим, словно пески в Луродия Танта. Люди – они не были похожи на человеческие существа современной поры – стояли на месте, пустив корни в землю, как побеги кактуса. Пить они могли только росу, а дышать не умели совсем: если и выпускали вздохи, то исключительно под воздействием ветра. Для существования им требовался лишь солнечный свет, и, застыв в своих растительных позах, они, слегка покачиваясь, лениво воздавали хвалу богам.

Богам этот мир показался обделенным движением, а населяющие его люди – слишком самодовольными. Тогда они послали орла с горящей ветвью в клюве, и тот принялся устраивать один пожар за другим до тех пор, пока весь мир не сгинул в море огня.

Ведя повествование и танцуя, Сатаари носками ног чертила на земле фигуры. Удивленные Радзутана и пэкью-тааса узнавали их: то были уменьшенные изображения исполинских фантастических конструкций, которые они видели с воздуха в солончаках по пути сюда.

– Во Вторую эпоху человечества боги опробовали другой подход. Они затопили Укьу-Гондэ, и великий океан покрыл весь мир. На этот раз человеческие существа были сотворены гибкими, как рыбы. Они плавали по миру-океану, охотясь на мелких рыб и креветок, хрустели на зубах крабами и ракушками. Разговаривать люди не могли – как можно производить мыследыхание, когда легкие полны водой? И их увенчанные плавниками конечности не были приспособлены держать орудия, чтобы творить голосовые картины.

Боги нашли этот мир чересчур молчаливым, слишком уж похожим на живую смерть. Тогда они послали кита с зубами-сосульками. Всюду, где он проплывал, оставались затвердевающие следы и застывающие волны, которые отказывались рассеиваться. Так кит плавал, пока весь мир не превратился в один сплошной кусок льда.

В Третью эпоху человечества боги вновь переделали мир, опустив на землю облака и создав человеческие существа в птичьем обличье. Каждое племя пело по-своему, и чириканье, щебетанье, квохтанье и трели неизменно убажали слух бессмертных. Но потом иные из птиц-людей стали слишком дерзкими и не захотели оставаться навечно в подлунной сфере, а решили взлететь повыше, и от устроенной ими какофонии звезды сошли с назначенных им мест.

Боги, не способные сладить с беспорядком, решили уничтожить этот мир, послав в него тысячи и тысячи молний. Одной ослепительной вспышкой испепелили они облака и крылатых людей.

Когда наступила Четвертая эпоха человечества, боги задумали наказать своих смертных сородичей за дерзкую попытку дотянуться до звезд. Они сотворили мир из костей и навоза, и люди возродились в образе насекомообразных существ, вечно копошащихся среди смерти и гнили. Одержимые неутолимом голодом, эти люди пожирали все, к чему прикасались, невзирая на вонь и грязь, но никогда не чувствовали сытости.

Богам не пришлось даже сильно стараться, чтобы положить конец этой эпохе, потому как вскоре люди сами расправились с миром. Пожрав абсолютно все, они оказались в темной пустоте, возникшей после исчезновения всего сущего.

Учитывая печальный опыт неудачных предыдущих попыток, в Пятую эпоху человечества боги создали для людей настоящий рай. Все там было продумано самым тщательным образом, всего было ровно в меру: богатой почвы и пресной воды, освежающего ветра и согревающего солнца. Из родников в земле били молочные ключи, мед плескался в благоуханных тихих озерах. Телята и ягнята охотно ложились к ногам людей, фрукты и орехи были такими питательными, что сытость наступала почти моментально. Жутковолки и саблезубые тигры не трогали людей, питаясь исключительно падалью. Наши предки жили тогда в довольстве и изобилии, с каждым годом рожая все больше детей. Никому из стариков не было нужды уходить в зимнюю бурю, а отцы и матери не душили новорожденных, чтобы остальным детям хватило еды.

Боги рассчитывали, что люди смогут прижиться в мире, где все хорошо, и станут возносить благочестивую хвалу своим создателям.

И поначалу все именно так и было. Но по мере того, как людей становилось все больше, сердца их теряли покой. Постепенно люди заскучали и от лени своей принялись создавать причудливые изобретения: подражая способностям богов, они строили говорящие умо-зарубки из груд костей, камней и бревен, стремясь превзойти величие Все-Отца...

– А те исполинские каменные картины, которые мы видели, – это и есть умо-зарубки из прошлых эпох? – спросил Радзутана.

Не удостоив его ответом, Сатаари продолжала:

– ...и развлекали себя песнями, стихами и бесконечными легендами, норовя превзойти мудростью Пра-Матерь. Люди верили, что, предприняв определенные усилия, окажутся и сами способны сравняться с богами, позабыв, что они суть всего лишь промежуточное звено в бесконечных попытках богов приблизить творение к идеалу.

Человеческая раса становилась все более честолюбивой и алчной. Вместо того чтобы жить щедрыми плодами земли, как то предназначали боги, люди стремились ее поработить. Поскольку хищники, наводнения и бури не досаждали им, они пришли к заключению, что можно перестать кочевать и пора накапливать богатства. Сбившись в большие племена, они разделили землю на участки, воздвигнув на границах каменные ограды, и теперь любой фрукт, орех или клубень с каждого участка принадлежал тем, кто провозгласил его своим. Селились люди в шатровых городах, приросших к одному месту, а овец и коров собирали в загоны, чтобы те не могли больше привольно пастись и бродить, где им вздумается. Люди перегораживали реки плотинами и запрудами, чтобы рыбе некуда было деться, кроме как попасть к ним в котел. Они строили все более сложные здания и машины, знаменующие силу человечества, но отвращающие его лицо от богов.

Поскольку племена, перестав кочевать с пастбища на пастбище, делались все более многолюдными, земле не хватало времени отдохнуть. При помощи своих хитроумных инструментов и приспособлений, поработавших землю, воду и воздух, разрастающиеся кланы вытягивали из мира все питательные соки. С требованием «Больше! Больше! Больше!» люди начали воевать между собой, обратив свой ум на изобретение ужасного оружия и черной магии, способных убить тысячи живых существ одним ударом.

Наши предки разложились настолько, что перестали отдавать свои тела после смерти волкам и стервятникам, тоже созданиям божьим, а вместо этого стали закапывать покойников в землю, как если бы складывали их в продовольственные ямы на хранение, и обкладывали трупы сокровищами и ритуальным оружием, как будто от таких вещей есть прок после смерти.

Затем они насыпали над этими единоличными пещерами земляные курганы, чтобы помешать пожирателям падали заявить права на законную добычу, и возводили памятники собственной жадности. Земля покрылась множеством подобных холмов, словно бы безмозглые слепые кроты исчертили все под ее поверхностью туннелями, нагородив где попало отвалы.

Боги, опечаленные тем, что их совершенное творение так осквернено людьми, наслали на мир чудовищ, дабы покарать неблагодарных. Гаринафины, состоящие из одних только костей, летали над землей, испепеляя дома и ямы с припасами; тигры с клыками из звездного металла вламывались в загоны и задирали заточенных там животных; жутковолки с каменными зубами и когтями, не зная жалости, рвали на части всех без разбора: мужчин, женщин и детей. А помимо этих чудовищ были также и другие, все неописуемо ужасные.

Реки пересохли, озера сжались до размеров луж. Вода, некогда сладкая и освежающая, сделалась солоноватой и горькой. Земля, покрытая прежде пышной зеленью, обратилась в засушливую пустыню. Ветер вздымал в воздух клубы пыли, песок слепил людей и впивался в кожу с такой силой, что вскоре все тело начинало кровоточить. Мир, бывший недавно раем, стал негостеприимным настолько, что человеческим существам не оставалось иного выбора, кроме как покинуть обранные границами наделы, уйти из городов и селений, перестать вести оседлый образ жизни и поработать землю.

Вот так наступила Шестая эпоха человечества, когда люди оказались загнаны в степь с ее жестокими буранами и смертоносными наводнениями, истязаемую молниями и выжигаемую пожарами. Народы позабыли напрасно приобретенные знания, отринули ложную мудрость и прозябали во тьме, пока не пришли Кикисаво и Афир, восставшие против богов и добывшие для племен ту мудрость, которая необходима для выживания в этом суровом мире.

Теперь люди не могли позволить себе заводить сколько угодно детей и вынуждены были избавляться от стариков и больных, в точности как это делает пастух в стаде. Коровы и овцы разбредались широко в разные стороны, чтобы не объесть догола землю, скудно поросшую чахлым кустарником, колючими кактусами и жесткой, режущей кожу травой. В новом мире обитали те же самые чудовища, которые уничтожили некогда жизнь предков, но только поменьше размером, дабы люди не забывали, что гордыня человеческая не угодна богам. От великих

поселений Пятой эпохи не осталось ничего, за исключением погребальных курганов, этих холмов на восточном берегу моря Слез, которые называют Городом Призраков.

Они служат напоминанием о том, что случается, когда люди становятся слишком спесивыми, и предостерегают нас от жизни, основанной на порабощении и истощении земли, вместо следования разумным законам природы.

При всей видимости изобилия Курганы эти – запретная территория. Любой, кто войдет туда, навлечет на себя гнев богов и падет жертвой неотвратимого проклятия. Беглецы получают от Пра-Матери благословение и позволение укрываться на самом краю Курганов, потому как находятся в отчаянном положении, но просить большего означает впасть в ошибку по примеру обитателей конца Пятой эпохи, которые гордыней и алчностью навлекли на себя страшные беды.

Хотя Сатаари явно обладала незаурядным талантом сказительницы, не прошло и нескольких дней, как легенда про Татен-рио-алвово выветрилась из сознания большинства детей. Они и прежде в общих чертах слышали эту историю, а сейчас у них имелось слишком много неотложных дел, чтобы забивать голову старинными мифами.

Под руководством Радзутаны, взявшего за основу модель, которую Таквал и Тэра использовали в пустыне Луродия Танта, ребята построили очистную систему, превратив соленое озеро в источник пригодной для питья воды. На окраинах Курганов Налу и другие дети охотились на куропадок, зайцев, лунношкурных крыс. Иногда им удавалось добыть оленя с поросшими лишайником рогами. Кроме того, они собирали на скалистом берегу озера яйца приливных крачек, ловили на мелководье волосатых крабов и гигантских креветок. То, что не съедали сразу, заготавливали впрок, измельчали, сушили и вялили.

Под руководством Радзутаны и Сатаари все ходили в лес, где собирали ягоды и орехи и выкапывали съедобные клубни. Эти двое взрослых отлично дополняли друг друга. Сатаари, будучи шаманкой, обладала немалыми знаниями о лекарственных и питательных свойствах растений, а Радзутана не один год изучал местную флору, используя методы земледельцев Дара. Правда, близ Курганов встречалось много растений, не известных ни одному из них. Тогда они объединяли свои умения и, прислушиваясь к собственной интуиции, проводили осторожные эксперименты, дабы отделить безопасные и пригодные в пищу растения от ядовитых и бесполезных.

В долине Кири Радзутана и Сатаари, в силу взаимного недоверия – обычное дело для агонских шаманов и ученых из Дара, – почти не общались между собой. Теперь же, когда от их совместной работы зависело выживание в незнакомых условиях большой группы детей, каждый из них вдруг с удивлением обнаружил, что испытывает неподдельное уважение к знаниям другого.

Кроме того, и это оказалось еще более неожиданным, Радзутана поймал себя на мысли, что получает удовольствие от общества Сатаари. Ум его оживлялся при виде того, как она танцует, переступая ногами в свете костра, как ее гибкая молодая фигура оживляет истории прошлого; сердце Радзутаны ликовало всякий раз, когда женщина хвалила его за толковые рассуждения о травах, за очередную блестящую догадку по части растений; он старался рассмешить Сатаари, вопреки всем тяготам и гнету окружающей их неизвестности, потому что, слыша ее смех, чувствовал, будто ступает по облакам.

Стараясь сохранить этот счастливый настрой, он сопротивлялся соблазну попробовать посадить некоторые из местных растений в огороде близ лагеря, дабы обеспечить более надежный источник пищи. Теперь, когда ученый стал лучше понимать причины нелюбви агонцев к земледелию, ему даже не требовалось озвучивать свою идею, он и без того мог с легкостью предсказать, что Сатаари отнесется к ней отрицательно.

И наряду с этим Радзутана, в отличие от детей-агонов, никак не мог выбросить из головы легенду про Татен-рио-алвово.

Воспитанный в присущей ученым Дара атмосфере, насквозь пропитанной скепсисом относительно существования всего сверхъестественного, Радзутана невольно пытался найти в мифах агонов рациональное зерно, сравнивая их с сагами дара. Шесть эпох существования человечества: история идет по кругу, но в то же время всякий раз мир уничтожается и все начинается заново... Не указывает ли это на принципиальное отличие мировоззрения льюку и агонов от мировоззрения дара, философия которых склонна подчеркивать то, как совершенствуется и развивается человечество благодаря переменам? Или грезы о некоем мифическом золотом веке призваны служить убежищем от трудностей века текущего, в точности как легенды дара об идеальной прародине ано, затонувшей где-то в западном море, дарят людям надежду во времена войны и смуты?

Хотя Радзутана, подобно Тэре, не особенно верил в существование мира за пределами реальности, он считал, что в древних, переживших множество поколений историях содержится зерно правды. Вот только она скрыта за метафорическим языком, прочесть который уже невозможно. Его ум никогда не прекращал попыток расшифровать истинную подоплеку, скрывавшуюся под фантастическим эпосом степных народов.

Был и еще один человек, которого буквально пленила легенда о Татен-рио-алвово, – Танто.

Все дети в лагере страдали от ночных кошмаров и были подвержены приступам тоски. Хотя юные умы имеют свойство приспосабливаться к обстоятельствам, потеря родителей и других старших родичей или же долгая разлука с ними, сопровождаемая неизвестностью, оставляют глубокие шрамы в сердцах ребятишек. Вдобавок к этому община долины Кири сгинула навсегда. А ведь то было единственное их племя и единственный дом, который они знали в своей короткой пока еще жизни. Так что оставалось лишь удивляться тому, как хорошо дети справляются с лишениями и невзгодами.

Сатаари и Радзутана старались постоянно занимать их работой и выполнением рутинных обязанностей. Это был надежный способ отвлечь детские умы от тяжелых раздумий, вложить в них стремление к цели. Хотя в любом случае дел было полно: выживать в таких условиях очень непросто. Сатаари каждый вечер старалась развлечь ребятишек пересказом народных легенд степняков: «Тигровая ведьма и наро с одиннадцатью пальцами», «Как жутковолк обрел мех», «Танто-лью-наро, заблудившийся на Кладбище Костей» и им подобных. Поскольку эти истории не были сакральными, она могла просто рассказывать их, не сопровождая обязательным для сказителя танцем. Радзутана, в свою очередь, перевспоминал эпизоды из истории Дара. Самыми любимыми у детей были легенды о подвигах героя Илутана во время войн Диаспоры и повести о деяниях Гегемона.

Как-то вечером, пока Радзутана развлекал собравшихся в круг детей историей о том, как Гегемон получил меч На-ароэнна, что означает «Конец Сомнений», Танто потихоньку пробрался к Сатаари.

– Расскажи мне подробнее про волшебное оружие, которым пользовались люди во время Пятой эпохи, – попросил он.

– Зачем тебе о нем знать? – спросила Сатаари, нахмутив брови. – То было проклятое оружие, изобретенное в греховные времена и пускаемое в ход из ложной гордости.

– Мне хочется больше знать об этом... Ведь тогда я смогу понять, было ли опасным то оружие, делать которое собиралась научить нас мама.

– Ну хорошо. – Сатаари одобрительно кивнула, не усмотрев в желании мальчика ничего предосудительного. – В древних легендах говорится, что жадные до мирской славы вожди Пятой эпохи умели управлять силой молнии, так что воин мог поразить сотни сотен наро

одним лишь взмахом магического жезла. Еще там сказано, что они научились подчинять себе мощь грома. И тогда, просто играя на барабанах, один человек производил такой грохот, что тысяча тысяч кулеков разом валилась с ног, а из глаз и ушей у них сочилась кровь. И наконец, молва уверяет, что люди подчинили себе ветер. Просто нацелив в небо костяную трубу, человек мог подражать гласу богов и заставлял насекомых, птиц и даже гаринафинов падать с небес.

Танто внимательно слушал шаманку, широко распахнув глаза.

– Они были *настолько* могущественными? А смогли бы воины и наездники гаринафинов под командованием отца моего отца противостоять этому оружию?

Сатаари покачала головой:

– Нет, разумеется. Ты разве не слушал, что я говорю? То было оружие из иной эпохи, и оно обладало силой, которой людям обладать не положено.

– А как насчет льуку? Они способны выстоять против него?

– Пэкью Кудью горазд пугать детей, – с презрением в голосе произнесла Сатаари. – И он определенно следует примеру надменных вождей Пятой эпохи, год за годом устраивая Татен на одном и том же месте. Но он со всеми своими гаринафинами и танами не имел бы никаких шансов против столь могущественного оружия.

– Вот было бы здорово, если бы эти древние вожди вернулись на землю на облачных гаринафинах, чтобы сражаться на нашей стороне...

– Не кошунствуй! – осадила мальчика Сатаари. – Не важно, каким мощным было их оружие – по вине спесивых сердец строители курганов отказались от путей предков, и песнь их не восхваляла больше богов, а потому в конце концов нечестивцев изгнали из рая. Вот самый важный урок, которому учит нас Город Призраков.

Танто кивнул, словно бы полностью соглашаясь со сказительницей.

Глава 3

Королевы разбойников

Тоадза, седьмой месяц девятого года правления Сезона Бурь и правления Дерзновенной Свободы (за двадцать два месяца до открытия прохода в Стене Бурь)

Тифан Хуто положил в рот виноградину и посмаковал сладкий взрыв вкуса. Потом откинулся на кровать и потянулся, наслаждаясь гладким шелком и мягким матрасом.

Слуги принесли из погреба кубики льда и разложили его в ячейки по всей комнате. Ветряк на крыше дома приводил в действие расположенные за ячейками вентиляторы, наполняя помещение приятной прохладой и сдерживая гнетущий летний зной.

«Как же славно оказаться дома», – подумал Тифан. Ему повезло, и он знал это.

По возвращении в Пан, когда его в первый раз поставили перед строгими судьями в подземном судилище, Тифану стало так страшно, что аж колени подкосились, и стоявшим с обоих боков солдатам пришлось его подхватить. Увидев, что в качестве государственного обвинителя будет выступать сам заместитель министра юстиции, Хуто в отчаянии заскулил. А когда председатель суда, призывая собравшихся к порядку, грохнул по скамье палкой из железного дерева, символом своей власти, Тифан не справился с собой, и его мочевой пузырь и прямая кишка разом опорожнились.

Тифана уволокли прочь, чтобы обдать струей воды и переодеть в чистый комплект тюремных лохмотьев, а потом снова привели в зал и поставили на колени перед судьями. Свидетели – по преимуществу пираты и наемники, согласившиеся дать показания против Хуто ради спасения собственной шкуры, – в подробностях описали различные его преступные схемы: мошенничество, обман, использование поддельных документов с целью получения преимущества над конкурентами, выдачу деловых партнеров корсарам, ввоз контрабанды из Неосвобожденного Дара, заговоры с намерением похищения людей и продажи их в рабство...

Семья Хуто заложила еще оставшееся в ее распоряжении имущество и наняла в качестве защитников самых дорогих платных ораторов. Большая часть братьев и сестер, родных, двоюродных и троюродных, злилась на Тифана за то, что он поступился интересами клана ради личной выгоды, но единственным способом избежать конфискации всего имущества торговой империи Хуто в пользу трона было оправдать Тифана по самым тяжким пунктам обвинения, сколь бы тщетной ни казалась эта попытка.

Защитники сказали, что лучшей линией поведения для Тифана будет признать вину по менее тяжким пунктам и отдаться на милость правосудия. Но он решительно отверг этот их совет, так как знал, что на помилование ему все равно рассчитывать не приходится. Обвинения в государственной измене выдвигались чрезвычайно редко, и трон никогда не прибегал к ним, если не рассматривал в качестве наказания смертную казнь. А уж после того, что он натворил...

Преодолевая ужас, Тифан заставил свой изворотливый ум сосредоточиться, решая задачу, как выжить: надо было измыслить план, граничащий с чудом.

И внезапно сообразил, что линия обвинения строится исключительно на косвенных уликах. Он расплачивался золотыми слитками с клеймом, через которое можно отследить связь с флотом, отвозившим дань на Руи; многие взаимодействовавшие с ним пираты были пойманы с костяным оружием, изготовленным мастерами лыку; спасенные жертвы передавали судьям подслушанные ими разговоры, где звучали прозрачные намеки на то, что им предназначалось стать рабами у лыку.

Но Тифан цеплялся за надежду, что у трона нет прямых доказательств. В результате рейдов против пиратов не был захвачен ни один из вожаков, который бы контактировал непосредственно с Хуто, только их подручные, мелкие сошки. Тифан предусмотрительно вел дела с «партнерами» только через посредников и не оставлял письменных следов. Более того, даже

его собственные подчиненные никогда не слышали, чтобы он прямо и открыто говорил о похищении опытных ремесленников для льюку: Тифан предусмотрительно настаивал на использовании шифра.

Обвинению предстояло доказывать, что Хуто знал – или должен был знать – о том, что похищаемых механиков и инженеров продавали льюку. Именно благодаря данному обстоятельству его и собирались обвинить в государственной измене, все остальное бледнело по сравнению с этим. Пока нет прямых улик, доказывающих состав преступления, ему предъявить нечего.

«Отрицайте! Упорно отрицайте все, что только можно!» – наставлял Тифан своих защитников.

Но те возразили в ответ, что трон намерен привлечь других свидетелей – «предусмотрительных», показания которых будут оглашены на закрытом процессе. Очевидно, «предусмотрительные» располагают секретной информацией о планах льюку и способны доказать, что Тифан Хуто действовал как вражеский агент. У него есть лишь единственный шанс получить снисхождение, продолжали защитники. Придется полностью во всем признаться, что даст «предусмотрительным» дополнительные сведения.

«Ну уж нет! – решил он. – Ни за что и никогда!»

Холодный пот струился у Тифана по спине, он всю ночь пролежал без сна. Раз в деле замешаны «предусмотрительные», наказание наверняка будет суровым. С другой стороны, если сказать всю правду, это только усугубит ситуацию. Никто не сможет договориться с «предусмотрительными» и выйти сухим из воды, даже такой гений предпринимательства, как Тифан Хуто.

И вот на следующее утро, когда его привели в суд для встречи с новыми свидетелями, Тифан приготовился обделаться во второй раз, чтобы получить отсрочку еще на час. Но вот незадача: будучи весь на нервах, он накануне ничего не ел и не пил, а потому не смог запастись «боеприпасами», необходимыми для этой тактики крайних мер.

Ужас и сожаление так затуманили ум Тифана, пока он стоял на коленях перед скамьей суда, что до него не сразу дошел смысл слов верховного судьи. А тот держал в руках свиток, оглашая то, что было там написано.

– «...Личное вмешательство императрицы Джиа... „Предусмотрительные“ не будут свидетельствовать... Мы расцениваем поступки ответчика как в высшей степени возмутительные и злонамеренные... За недостаточностью улик обвинение в государственной измене признано ошибочным и отозвано... Виновен по всем другим пунктам... Императрица Джиа просит проявить милосердие... посему назначается штраф вместо...»

Хуто стоял на коленях, совершенно ошеломленный, и медленно переваривал услышанное. Его план сработал. Игра «предусмотрительных» оказалась блефом. Насколько Тифан мог предположить, они либо знали на самом деле не так много, как заявляли, либо же не хотели раскрывать степень своего знакомства с планами льюку, даже свидетельствуя на закрытом процессе. Ну а поскольку обвинение в государственной измене провалилось, секретарь Кидосу, желая сохранить лицо, наверняка попросила императрицу вмешаться и подписать приговор, который будет расценен как помилование. Определенно, клану Хуто придется раскошелиться, поскольку штраф предусматривал выплату компенсации пострадавшим. Такой удар явно сместит их семейство с верхних позиций среди торговых домов Волчьей Лапы. Но по сравнению с тем, какой оборот все это могло принять...

– Радуйтесь, что этот процесс происходит не во время Принципата и не в правление Четырех Безмятежных Морей, – увещевали Тифана адвокаты. Они выглядели при этом такими довольными, будто своим избавлением он обязан был их бесполезной болтовне, а не собственной мудрой стратегии отрицания и затягивания, воплощенной им самим в жизнь с безупреч-

ной выдержкой и твердостью бывалого человека. Тифан велел им немедленно убираться с глаз долой.

Но в одном он был согласен с защитниками: ему повезло. В свое время Куни Гару упразднил платных адвокатов, упростил уголовный кодекс и дал «предусмотрительным» все полномочия вести расследования и приговаривать к казни предателей. При такой системе Тифан не продержался бы и дня. Хвала Тацзу, что после смерти императора Рагина императрица Джиа и премьер-министр Кого Йелу не только вернули институт защитников, но и развели бюрократию, разработав сложные правила предоставления свидетельств и сбора улик. Да, эта система была призвана не позволить покарать невиновных, однако Тифан был чрезвычайно рад, что она предоставила ему возможность отыскать лазейку на свободу.

– Принесите мне бокал освежающего напитка из кислых слив со льдом! – распорядился Тифан и передвинулся на постели на более прохладное место.

Когда он вернулся в Тоадзу, донельзя рассерженные старейшины клана три дня и три ночи напролет ругали и поучали его, пока он стоял на коленях перед траурными табличками предков рода Хуто. Все, что уцелело от созданной Тифаном торговой империи, у него отобрали и распределили между робкими и нерешительными братьями и кузенами, не способными распознать выгодную сделку, даже если та сама укусит их за задницу. Затем старейшины велели ему сидеть взаперти в своей комнате, размышляя над совершенными ошибками, а вдобавок еще отныне и навсегда запретили прикасаться к семейному предприятию.

Все то время, что Тифан провел на коленях в Зале предков, он злился и негодовал. Ну как могут старейшины быть такими жестокими? Неужели они не видят, что все, сделанное им, было направлено на обогащение и рост престижа семьи? Как могут родные и двоюродные братья быть такими близорукими? Даже после уплаты штрафа у их клана оставался достаточный капитал, чтобы снова подняться. И торговая империя Хуто стремительно вернулась бы на прежние позиции, если бы только это зависело от него. Да тут не горевать надо, а радоваться, провозглашая его, Тифана Хуто, прославленным героем на ниве предпринимательства! Ну да ладно, он подождет, его звездный час еще настанет.

«Пусть до поры до времени мои родственнички попотеют, зарабатывая для клана Хуто деньги и славу. А мне в любом случае не помешает отдых».

Сидеть у себя в комнате было не так уж скверно: он заказывал еду и питье, какие хотел. Ну а попозже, рассудил Тифан, когда старейшины и прочие займутся собственными делами и не будут так пристально следить за ним, можно пригласить парочку девиц из дома индиго или сделать ставку на лодочных гонках, послав букмекеру записку с почтовым голубем.

Со временем, набив себе шишек и убедившись, что организовать восхождение клана Хуто без своего главного тактика – не такая простая задача, братья, родные и двоюродные, неизбежно приползут к нему на коленях. Вот тогда-то он и заставит их за все заплатить.

Потому что самым важным уроком, который Тифан Хуто вынес из опыта пребывания в Гинпене, было одно удивительное обстоятельство, которого он прежде не осознавал, но теперь непоколебимо в него верил: у него есть тайное оружие, куда более могущественное, чем любое знание или умение, – он везунчик по жизни.

Судите сами: он сумел уклониться от обвинения в государственной измене; избежал почти неминуемой смертной казни; ускользнул из лап таинственных «предусмотрительных» и неподкупного заместителя министра юстиции, от каменноликих судей и от сующих повсюду свой нос идиотов из Цветочной банды... И не благодаря ухищрениям платных адвокатов (которые явно переоценивают свои заслуги) или притворному раскаянию (на котором настаивали старейшины), но лишь потому, что Тифан Хуто из породы счастливицков.

Ему везет невероятно, просто немыслимо, на радость Тацзу и к досаде Луто. А все предприниматели знают, что удача – величайший из всех активов, самый ценный и наиболее редкий. Это прекрасно известно всем, кроме его пустоголовых родичей.

Поэтому нет, он ни о чем не жалеет и ничего в своей жизни менять не собирается. Он просто будет терпеливо ждать часа, когда снова станет главой клана. Его время непременно настанет, – в этом нет ни малейших сомнений.

Тифан отхлебнул глоток прохладительного напитка из кислых слив. И вдруг на язык ему упала молодая ягода – крошечная, но очень сладкая. Вот, даже тут повезло. Ну и что это, скажите на милость, если не предвестие удачи? Он испустил довольный вздох.

«На чьей стороне везение, тот и прав».

– Тебе известно, что затевает Джиса, моя сестра, мое второе «я»?

– Нет, но разве у нас хоть когда-нибудь получалось заглянуть в сердце нашей любимицы?

– Увы, даже Рисане не удавалось проникнуть в ее мысли, и нам тоже. Быть может, именно поэтому спустя столько времени Джиса по-прежнему нам интересна.

Тифан Хуто задремал и подсчитывал во сне выигрыш от ставок, которые он так удачно сделал на лодочных гонках, когда вдруг почувствовал, как в шею ему уперлось что-то твердое и холодное.

Он раздраженно отмахнулся. Неизвестный предмет укусил его в руку, и Хуто закричал от боли, очнувшись в темноте.

По правде говоря, он не был уверен, что действительно проснулся. Его пальцы осторожно пробежали по непонятному предмету, ощупывая его: длинный, плоский, два острых края...

К его горлу приставлен меч!

Тифан открыл было рот, чтобы закричать, но тут между зубами ему грубо просунули узловатый кусок веревки и запихали его глубоко в глотку. Он стал задыхаться, но державшая веревку сильная рука не ослабила хватки.

– Ты всегда такой медлительный? – спросил из темноты чей-то строгий голос. – Или это съеденная за обедом жирная пища затуманила ту скользкую жидкую субстанцию, которую ты называешь мозгом?

– М-ф-ф-ф!

Затеplился огонек: это зажглась свеча.

По обе стороны от кровати стояли две женщины, обе были в платках, закрывающих нижнюю часть лица. Глаза их излучали такой же холод, как и меч.

– Мы просто хотим с тобой побеседовать, – сказала женщина со свечой, выглядевшая постарше, чем вторая. Она говорила спокойно, без всякой агрессии.

– Наши сестры сторожат остальных членов твоей семьи, – произнесла женщина с мечом, ее тон был более резким и угрожающим. – Если не будешь вести себя как надо... – Она медленно провела мечом поперек горла Тифана – выступила кровь.

Честно говоря, судьба остальных родственников Тифана заботила мало. Однако он кивнул, не слишком энергично, чтобы клинок ненароком не впился глубже в кожу.

Незваная гостья убрала меч и вытащила веревочный кляп у него из рта:

– Садись.

Тифан сел и постарался овладеть собой, а обе женщины тем временем взяли подушки и расположились на полу напротив него в позе такридо. Он заметил, что одеты они в черные брюки и черные облегающие блузки, позволяющие им тихо и свободно передвигаться, без каких-либо свисающих фалд, которые цеплялись бы за углы и различные предметы. Волосы у обеих были собраны на макушке в тугий пучок, заколотый черными коралловыми булавками. Единственным украшением были шелковые бантики на головках булавок, трепетавшие в свете свечи подобно крыльям бабочки или плавникам дирана.

Наверняка к нему пожаловали какие-то закоренелые преступницы, скорее всего из банды разбойников, похищающих людей ради выкупа.

– Кхм... – Тифан откашлялся. – Госпожа... То есть госпожи... Уважаемые госпожи.... Нет... – «Как следует обращаться к женщинам-грабителям, чтобы их не обидеть?» – Высокочитимые королевы разбойников...

Гости переглянулись и усмехнулись.

– Мне это нравится, – промолвила женщина постарше, та, что держала свечу. – Можешь называть меня королевой... Светоносицей.

– А меня королевой Кровопийцей, – заявила та, что с мечом. Она приподняла платок, открыв рот, и ее оскаленные зубы блеснули в тусклом свете свечи.

– Да! Конечно! Как прикажете! Королева Светоносица и королева Крово... Кровопийца... – Возникший перед глазами образ заставил Тифана вздрогнуть. – Ваш скромный слуга весьма польщен визитом двух столь благородных дам. Спешу заверить, что к правительству я отношусь с таким же презрением, как и вы! Нет, я презираю его даже еще сильнее, особенно этого болвана Кого Йелу и злокозненную Джаи...

Попытка снискать расположение Светоносицы и Кровопийцы оказалась неудачной, ибо обе они тут же нахмурились.

– Ай-яй-яй! Прошу прощения, я оговорился! На самом деле я хотел сказать совсем не то! – «Ну конечно, этим разбойницам по душе Джаи: ведь она сама воровка, узурпировавшая трон у юного императора». – Я презираю правительство в точности так, как нужно, не больше и не меньше, чем это уместно. Э-э-э... мм... Если благородные королевы соизволят сообщить своему недостойному глупому слуге, насколько значительный... ну, вклад... ему следует внести во имя... то есть на нужды... словом, ради тех добрых дел, которые вы творите, то я, безусловно, сумею...

– Мы здесь не ради выкупа, – нетерпеливо перебила его Кровопийца. – Ты что, хочешь нас обидеть?

– Нет-нет, я снова не так выразился. Я имел в виду добровольное пожертвование. Позвольте вручить вам денежные средства для постройки более величественной горной крепости, подобающей достоинству двух благородных королев...

– Успокойтесь, господин Хуто, – мягко проговорила Светоносица. – Мы всего лишь хотим обсудить один деловой вопрос.

– Какой... – Тифан помедлил. – Какого рода это дело?

– Речь идет о некоем предприятии, которое хорошо вам знакомо. Нам известно, что у вас имеются определенные связи с покупателями, занимающимися... э-э-э... тем же ремеслом, что и мы, если можно так выразиться.

Тифана словно бы по голове обухом огрели.

– Увы, некоторые... недавние события по большей части оборвали эти связи.

– Да, разумеется, мы знаем про суд. Но пираты, захваченные Айей Мадзоти, – это всего лишь жалкие шестерки. Нам известно, что вам не составит труда войти в контакт с главарями пиратов.

Тифан сдерживался изо всех сил, чтобы голос его не выдал волнение.

– Допустим, я могу это сделать – я сейчас говорю чисто гипотетически, – и что именно вы хотели бы продать?

– На сей счет можете не беспокоиться. Достаточно сказать, что это значительно более выгодный товар, нежели тот, который проходил прежде через ваши руки, хотя сбыть его вы можете только *этим* покупателям, и более никому. Мы организуем вам регулярные поставки. Вы можете смешивать наш товар со своими традиционными корабельными грузами, которые доставляете по островам Дара, и делать небольшой крюк, чтобы встретиться с покупателями в открытом море. А прибыль будем делить пополам.

– И насколько велика эта предполагаемая прибыль?

– Позвольте выразиться так: если вы удачно поведете дело, то за три года клан Хуто станет богатейшим среди торговых домов Волчьей Лапы.

Волна возбуждения, пробежавшая по телу Тифана, была сильной, как разряд шелкокрапинной силы.

– Но в данный момент мне запрещено заниматься какой-либо торговлей. Старейшины клана поместили меня под домашний арест.

– Эта проблема не из трудных. Через пару дней к старейшинам вашего клана придет гонец из магистрата Тоадзы и сообщит, что в рамках проводимой Троном Одуванчика политики по исправлению преступников Тифану Хуто рекомендуется как можно скорее вернуться к прежней работе.

– Вы сможете такое устроить? Но как?

– У нас есть свои способы, – хмыкнула Светоносица.

Тифан Хуто поразмыслил над предложением. Воистину его везение – самый ценный из активов. Не далее как сегодня днем он строил планы на будущее, мечтая о триумфальном возвращении, и только поглядите: дела уже принимают именно такой оборот, на который он рассчитывал!

– А тот товар, который вы хотите сбывать через меня, он опасен?

– Ну да, можно и так сказать, – ответила Кровопийца. – Особенно для недобросовестных посредников, которые попытаются отщипнуть себе часть прибыли в обход партнеров. – Она снова с угрозой взмахнула мечом.

– Я имел в виду: опасен ли товар для перевозки? Создает ли он угрозу для корабля?

– Нет, – заверила его Светоносица. – На самом деле таможенники даже и не поймут, с чем имеют дело... Но чтобы обеспечить должную безопасность и заставить предельно сосредоточиться, мы требуем от вас прекратить торговлю любой другой контрабандой, какую вы раньше доставляли на своих судах: антиквариатом, селитрой, чугунными чушками, оружием, похищенными людьми. Особенно похищенными людьми. Просто, видите ли, риск слишком велик.

– Я не могу отказаться от всего... – попытался было возразить Тифан.

Но Светоносица и бровью не повела.

– Не волнуйтесь, прибыль от наших товаров перекроет все ваши убытки. Ну же, нам всем прекрасно известно, что пираты всего лишь посредники и не смогут определить истинную ценность того, что вы продаете. Поэтому вы сможете убедить пиратов доставить конечному покупателю несколько ящиков на пробу, просто дабы удостовериться, что спрос действительно есть.

Тифан задумчиво кивнул. Если незваные гости не врут, он сумеет поднять цену, как только установится рынок сбыта, особенно если будет монополистом. Что же до дележа прибыли пополам... Ха, он не сомневался, что сумеет надуть пару наивных разбойниц и обстряпать дело с максимальной выгодой для себя.

Нетрудно догадаться: коли таинственные конечные покупатели и впрямь готовы платить заоблачные суммы, товар наверняка имеет военное назначение. Но это тоже не проблема. Хуто предпочитает быть ловким торговцем, а не тупоголовым героем: достаточно посмотреть, как бедны ветераны; даже те, кто потеряли в боях за Дара руку или ногу, не получают достойное пособие.

– Что ж, полагаю, мы договорились, – заключил он. – Как только вам удастся убедить старейшин разрешить мне вернуться в торговлю, сразу же и начнем.

– Отлично, – кивнула Светоносица.

А затем, прежде чем Тифан успел пошевелиться, Кровопийца вскочила с подушки и преодолела разделяющее их расстояние, да так ловко и быстро, что при этом казалось, что будто она и не двигалась вовсе. От удивления он инстинктивно открыл рот. Воспользовавшись

моментом, женщина положила что-то ему на язык, после чего зажала Хуто нос и с силой шлепнула его по губам. Удар заставил Тифана проглотить то, что ему сунули в рот.

– Что... что это такое? – пролепетал он в испуге и потрясении, но довольно тихо, потому как Кровопийца снова вскинула меч.

– Будем считать это... своего рода страховкой, – пояснила Светоносица.

– Что?! Какой еще страховкой?

– Ты только что проглотил редкий гриб, который называется кровопийца, – отбросив всякие церемонии, сообщила ему женщина, представившаяся тем же именем. – Через час он укоренится у тебя в желудке, и извлечь его оттуда можно будет, только если вспороть тебе живот и достать оттуда гриб вместе с внутренностями. Едва прижившись, кровопийца распространит споры по всем твоим жилам и мышцам, проникнув в кровь. Примерно через месяц ты начнешь испытывать нестерпимую боль во всем теле, после чего наступит медленная, мучительная смерть.

– Но за что? – Тифана трясло от ярости и ужаса. – Зачем вы это сделали?

– Не переживай. Хотя удалить гриб нельзя, у нас есть лекарство, способное сдерживать его рост. Пока ты каждый месяц его принимаешь, можешь жить без роковых последствий, не испытывая никаких неприятных ощущений. При каждой встрече, организованной с целью передать тебе товар и получить свою долю прибыли, мы будем снабжать тебя очередной дозой лекарства.

Усвоив смысл сказанного, Тифан тяжело задышал. Очевидно, эти разбойницы оказались более хитрыми, чем он полагал. И подстраховались, дабы получить гарантии, что он будет работать с ними, причем честно.

– Почему бы нам не посвятить следующий час обсуждению деталей? – вежливо предложила Светоносица. – Это даст грибу время прижиться у вас в потрохах. И кстати, господин Хуто, вы даже не соизволили угостить нас чаем: как-то невежливо с вашей стороны.

Тифан покорно кивнул и отправился готовить чай при свете единственной свечи. Его немного пугало известие о смертоносном грибе, помещенном ему в желудок, однако все прочее пересиливала мысль о его невероятной везучести: ведь совсем скоро он получит все, чего желал, и даже больше.

«Тифан Хуто возвысится снова! Вот так-то, господа!»

Глава 4

Истинная сила лошади проверяется долгой скачкой

Горы Края Света, седьмой месяц девятого года после отбытия принцессы Тэры в Укью-Гондэ (за десять месяцев до предполагаемого отправления новой флотилии льюку к берегам Дара)

Хотя отряду Таквала удавалось держаться вне досягаемости преследующих их льюку, однако совершенно стряхнуть с хвоста погоню не получалось. В какую бы укромную долину ни забились беглецы или какое бы неожиданное направление они ни избрали, самое большее через несколько дней льюку вновь возникали на горизонте.

Как бы Таквал ни старался сохранить внешнюю уверенность, но при каждой неудавшейся попытке оторваться от погони он выглядел все более и более встревоженным.

Однажды вечером, когда лагерь пробудился к исходу дня – они шли ночью и спали днем, чтобы их труднее было заметить, – Таквал обнаружил, что двое выставленных в дозор воинов-агонов исчезли. Однако при этом никаких следов борьбы или признаков появления хищников не было.

Он вздохнул. Очевидно, эти двое утратили наконец веру и сбежали тайком, пока остальные спали. Учитывая, что число оставшихся с Таквалом мятежников, как дара, так и агонов, теперь не превышало двадцати человек, это был сокрушительный удар.

– Неужели они всерьез думают, что сумеют раствориться на степных просторах, прикнуть к какому-нибудь племени льюку или агонов и прожить без забот остаток жизни? – негодовал Таквал, не обращая ни к кому конкретно и словно бы говоря сам с собой. – Теперь люди в каждом клане будут смотреть в оба. Ведь за пойманного беглеца из долины Кири они смогут получить щедрую награду от Кудью.

Никто не ответил. Все понимали, что Таквал произнес этот монолог в качестве предупреждения.

Тэра поманила мужа и предложила ему прогуляться за пределы лагеря.

– Напрасно ты ведешь себя так, – сказала она тихо.

После разговора, состоявшегося в тот дождливый день с Торью, Тэра начала понемногу приходить в себя. Хотя это была уже не прежняя уверенная и решительная предводительница из долины Кири, она вновь обсуждала дела с Таквалом и прочими, время от времени выдвигая различные предложения. Силы буквально с каждым днем возвращались к ней, и теперь принцесса принимала активное участие в охоте, ставила палатки, заботилась об Алкире и даже просила мужа научить ее управлять гаринафином – хотя прежде никогда не выказывала к этому ни малейшего интереса.

– Что ты имеешь в виду?

– Ты пэкью, – пояснила Тэра. – Пусть наше предприятие и выглядит безнадежным, но мы пока еще не проиграли. Только когда ты перестанешь убеждать людей и начнешь прибегать к угрозам, они окончательно утратят веру в тебя.

Таквал воззрился на супругу. Маска решительного и сильного вождя, которую он носил не один месяц, мгновенно спала, открыв лицо усталого и испуганного человека.

– Но что мы можем сделать, имея только одного гаринафина и меньше двух десятков людей, многие из которых даже не воины? – прошептал он едва слышно.

– Не знаю, – ответила Тэра. – Но позволь напомнить тебе, что Тенрю Роатан был некогда беглым заложником, располагавшим одним-единственным гаринафином, а мой отец начинал восстание с шайкой преступников и дезертиров, числом примерно равной нашему отряду. И еще мне вспоминается один отважный принц агонов, который не побоялся прыгнуть с города-

корабля в бескрайнее море – один, вооруженный только надеждой, что сумеет найти способ освободить свой народ.

Таквал обнял Тэру и крепко поцеловал.

– Дыхание мое, зеркало моей души, – проговорил он, оторвавшись наконец от ее губ. – Мне так не хватало тебя все это время.

– Прости, что покидала тебя, – отозвалась Тэра со слезами на глазах. – Пусть Кунилотика и Джиан-тика сгинули, но красота мира остается. Мы не позволим буре заставить нас забыть, что есть радуга.

– Теперь, когда ты снова со мной, я чувствую себя сильным, как Афир.

Когда они возвращались в лагерь, Тэра прошептала сама себе:

– Всегда есть второй акт. Всегда.

Прислушавшись к совету супруги, Таквал отказался от угроз. Вместо этого он побуждал воинов-агонов постоянно упражняться и тренироваться, строя планы, как добыть еще гаринафинов, если им повезет наткнуться в предгорьях на нескольких охотников-льюку. Тэра тем временем подбадривала Типо То, Сами и других членов общины из числа дара, напоминая, что у них еще есть шанс отомстить за друзей и любимых и выполнить задачу, которую возложили на них на родине.

Как-то раз Таквал, отправившийся в разведывательный полет, вернулся в лагерь неожиданно рано. За Алкиром, его скакуном, тянулся другой гаринафин, тяжело раненный, так что он едва мог держаться в воздухе. Наездником был не кто иной, как Аратен, один из агонских танов из долины Кири, который прежде считался погибшим вместе с прочими. Вместе с ним летели еще шестеро других воинов-агонов, все уже не первой молодости и раненные во время нападения льюку.

Вновь прибывшие представляли собой печальное зрелище: изможденные, покрытые шрамами, полученными не только в бою с врагом, но и позже, когда им приходилось бороться со стихией. Глаза у всех глубоко запали, как если бы им пришлось повидать ужасы, выходившие за пределы сил простых смертных.

Тэра была поражена:

– Но как им удалось выжить? Где ты их нашел?

– Все вопросы потом, – заявил Таквал мягко, но решительно. – У нас еще будет время поговорить.

Без промедления пробудились к жизни вентилируемые огневые ямы. Основанные на традиционной агонской конструкции, в которую Сами внесла усовершенствования: они почти не давали дыма, сводя риск обнаружения беглецов к минимуму. Искушавшись в горячей воде, вновь обретенные товарищи воспрянули духом и с жадностью проглотили предложенное Таквалом и Тэрой угощение из жареного мяса под ягодным соусом.

– Вы представить себе не можете, как же мы рады вас видеть, – промолвила Тэра, когда Аратен и остальные утолили голод.

– Думаю, что можем, принцесса, – ответил Аратен, и его исхудавшее и покрытое шрамами лицо расплылось в довольной улыбке. – Столь многие наши соплеменники погибли, и я даже не берусь сказать, сколько раз меня одолевали сомнения в том, что я когда-либо вновь увижу вас и пэкью. Но потом я решительно отбрасывал подобные мысли.

Тэра заметила: Аратен подчеркнул, что искал ее и Таквала, при этом упомянув ее первой. Эта мелочь тронула принцессу почти до слез.

– Агонский воин никогда не сдается, – продолжил тан. – И боги сочли возможным вознаградить мою веру, вотан. – Аратен с трудом встал, слегка покачиваясь, и отсалютовал Таквалу, подняв обе руки и скрестив их в запястьях. Потом повернулся к Тэре. – Вотан, – повторил он и отвесил ей поклон по обычаю Дара.

После недавнего бегства дозорных твердость непреклонного Аратена, который никогда не проявлял к ней уважения в долине Кири (и который, что уж скрывать, никогда ей самой не нравился), потрясла Тэру. Рубцы на теле и на лице тана свидетельствовали об ужасных муках, каковые ему пришлось претерпеть, пока он бежал от лыку и искал дорогу сюда.

– У меня на родине, – произнесла Тэра, чей голос готов был вот-вот сорваться, – есть поговорка: «Истинная сила лошади проверяется долгой скачкой». Лошадь, – пояснила она, – это такой наземный гаринафин, очень маленький. Так вот, только по прошествии времени мы узнаём настоящий характер наших товарищей. Мне жаль, что в прошлом мы с тобой не были близкими друзьями.

Аратен тоже был тронут, и среди всех присутствующих не нашлось никого, чьи глаза остались бы сухими.

Таквал предпринимал все более продолжительные разведывательные вылазки на Алкире. Поскольку теперь к их лагерю присоединились раненый гаринафин и не оправившиеся пока бойцы, стало еще важнее вовремя обнаружить приближение лыку.

Ни один преследователь лыку не был замечен поблизости всю следующую неделю: то был самый продолжительный отрезок времени, который беглецы смогли провести на одном месте. Все объясняли это по-разному. Одни приписывали передышку уединенности долины, в которой оказались: видимо, поисковые отряды лыку не заметили их и ушли дальше на север, ускоряясь с каждым днем. Другие полагали, что пэкью лыку после столь долгой и бесплодной погони наконец сдался и решил оставить их в покое.

Таквал сказал Тэре, что, возможно, тут сыграл свою роль побег Аратена. Опасаясь, что еще больше поработанных агонев могут последовать примеру Аратена, Кудью, вероятно, решил отозвать погоню, сосредоточив воинов и пленных в Татене, чтобы укрепить свои позиции. Тэра, признаться, довольно скептически относилась к подобным доводам, однако в душе надеялась, что муж прав.

Так или иначе, передышка радовала, поскольку давала раненым возможность поправиться.

Новые члены отряда поведали о своих приключениях.

По словам Аратена, большинство пленников из Кири отослали в Татен, но некоторых агонев, сопротивлявшихся слишком яростно и сдавшихся только по причине ран, оставили в долине, поскольку им требовалось время, чтобы окрепнуть. Там же Кудью оставил и раненых лыку, а сам бросился в погоню за Таквалом и Тэрой. Вольу, ненавистный предатель, уехал задолго до того, как Аратен и другие поправились и смогли ему отомстить...

– Постой! – вскричала Тэра, которую, как и всех прочих из отряда Таквала, последняя фраза Аратена повергла в недоумение. – Ты говоришь, что наш дядя предатель?

Вот так подлый умысел Вольу и вышел на свет. Долго потом соплеменники топтали ногами и проклинали его имя. Вновь потекли горькие слезы. Мысль, что столько людей погибло по вине одного-единственного труса, была нестерпимой.

Адьюлек опустилась перед Тэрой на одно колено:

– Принцесса, прости, что была несправедлива к тебе. Не ты причина нашей неудачи. Я не всегда соглашалась с твоими решениями, но мне не следовало позволять нашим разногласиям затуманивать мой ум. Нет прощения моей позорной ошибке.

Другие агонев последовали ее примеру.

Но Тэра сидела как замороженная. Это открытие не притупило в ней чувства вины. Быть может, даже, напротив, обострило его.

Ведь именно по ее настоянию Таквал много лет назад пощадил дядю. Она верила, что Вольу можно перетянуть на свою сторону или, по крайней мере, контролировать; что заручиться его помощью всяко лучше, чем снова проливать кровь. Но ей не удалось заглянуть

вглубь души Вольу, а потому смерть всех тех, кто погиб в долине Кири, определенно была на ее совести.

«Мой отец предал Гегемона на берегу реки Лиру, зная, что, оставив его в живых, обречет на смерть еще больше народу. Оказавшись перед таким же выбором, я предпочла милосердие и совершила роковую ошибку. Не слишком ли я слаба, чтобы принимать суровые решения?»

Аратен между тем продолжал свой рассказ. Он поведал, как тайком обходил лагерь, выясняя, кто из пленников по-прежнему предан делу пэкью. Это было нелегко, потому что после бегства юных пэкью-тааса охрану оставшихся пленников удвоили...

– ЧТО?! – снова перебила его потрясенная Тэра.

Тут выяснилось, что однажды ночью сопровождавшие детей стражники напились, оставив в карауле Тоофа и Радию. Радзутана, Сатаари и дети каким-то образом сумели освободиться, одолели Тоофа и Радию и сбежали на гаринафинах в дебри. Когда протрезвевшие караульные добрались пешком по Кровавой реке до лагеря льюку и доложили о бегстве пленников Кудью, тот сразу догадался, что это дело рук Тоофа и Ради. Их лишили всех званий, сделали рабами и отправили в Татен, – по словам пэкью, «смерть для этих двух предателей была бы слишком легкой карой».

Отряд возликовал, услышав от Аратена, что, вопреки всем усилиям Кудью, детей, Сатаари и Радзутану так и не нашли. Украденных ими гаринафинов позднее разыскали в сотне миль от того места, где произошел побег. Хотя некоторые думали, что беглецы умерли зимой от голода и лишений, большинство верило, что им каким-то образом удалось найти укромное место и спастись.

– Лично я убежден, что они живы, – заявил Таквалу и Тэре Годзофин. – Мой Налу хороший охотник, а Сатаари и Радзутана, пусть и не воины, оба весьма умны и находчивы. Наверняка боги присматривают за ними!

Таквал и Тэра обнялись и залились слезами радости. Если прежде Тэра успела проникнуться к Аратену симпатией, то после этого второго открытия сердце ее наполнилось горячей благодарностью к нестигаемому воину. Да и все остальные тоже заметно приободрились.

Когда прилив радости немного схлынул, Тэра снова призадумалась. Теперь, когда преданность Тоофа и Ради получила подтверждение, их поступки стали видеться в ином свете. Следуя безжалостной тактике степняков и оставив ребятишек позади, чтобы отвлечь Кудью, эти двое спасли не только самих детей, но также Таквала и Тэру.

После нескольких месяцев изнурительных переходов и отчаянных перелетов через горы принцесса вынуждена была признать, что, тащи они за собой детей, избежать пленения для всего отряда стало бы гораздо более сложной, а то и вовсе невыполнимой задачей. И без того трудно было уходить от погони льюку, имея на руках так много пожилых людей и всего лишь одного способного летать гаринафина. Навьючить на него еще и беспомощных ребятишек означало подписать приговор всем.

Решение было трудным, но Тооф и Радия приняли его мгновенно, подвергая риску и свою жизнь, и свою честь. Более разительный контраст, чем между их целеустремленностью и ее бесполезными метаниями, сложно было представить. И сейчас душу Тэры раздирали самые противоречивые чувства: вина, восхищение, угрызения совести и благодарность. Она поклялась спасти двух этих друзей (ставших истинными агонами, хотя в жилах их и текла кровь льюку) и как можно скорее разыскать детей... Вот только как это сделать?

Надо же, как все повернулось. Вольу, которого Тэра считала преданным и верным сторонником, оказался виновником их несчастий. Тооф и Радия, которых она заклеимила как изменников, на деле стали настоящими спасителями не только детей, но и единственного уцелевшего отряда мятежников. Существует ли предмет более сложный и загадочный, чем человеческое сердце? И как отличить сердце чистое и верное от коварного, насквозь пропитанного ложью?

– Воистину ты принес нам хорошие новости, – обратился Таквал к Аратену. – Но ты до сих пор еще не объяснил, как вам самим удалось вырваться из лап льюку.

И Аратен поведал следующее. Всю зиму он и другие раненые пленники-агоны оправлялись от ран на руинах уничтоженного поселения в долине Кири. С течением времени стражники из числа льюку ослабили бдительность. И однажды ночью – это было, когда уже пришла весна, – Аратен и отряд преданных Таквалу воинов одолели охрану, захватили гаринафина и направились на север, на поиски пропавшего пэкью.

Аратен и его товарищи избегали внимания преследователей, выдавая себя за тавто-лью-наро, этих степных бродяг, не принадлежавших ни к одному из племен, не соблюдавших традиций ни льюку, ни агонов и давших обет не участвовать в войнах. Тавто-лью-наро почитали бога врачевателей Торьюяну Целительные Руки и отвергали любое насилие – другим именем их бога было Торьюяна Миротворивый. Хотя все степняки одинаково презирали этих изгоев, но и вреда они им тоже не причиняли, опасаясь возмездия со стороны могущественного божества. Поскольку тавто-лью-наро кормились отбросами и подаянием, Аратен и его люди имели возможность беспрепятственно собирать сведения о Кудью Роатане, его планах и политических маневрах.

– Кудью создал в Татен самых умелых шаманов и самых умных рабов из числа дара, – сказал Аратен.

– Зачем? – спросила Тэра.

– Вольу Арагоз сообщил ему, что в окружающей Дара Стене Бурь вскоре снова откроется временный проход. Кудью собирает всех, кто обладает знаниями, дабы проследить за рассуждениями Луана Цзиа и шаг за шагом повторить его путь. Он намерен рассчитать точное время, дабы послать к берегам Дара новый флот для вторжения на Острова.

И вновь Тэра ощутила укол совести, поймав себя на мысли, что и это тоже в значительной степени ее вина. Хотя она тщательно хранила секрет о новом открытии Стены Бурь, Вольу, с которым они обсуждали перспективы нападения на Татен, наверняка предположил, что образование нового прохода в ближайшее время возможно.

Получается, что ее раз за разом оставляли в дураках.

Тэра призадумалась. Вывести формулу, по которой можно рассчитать даты, когда в Стене Бурь вновь откроется проход, было делом таким же сложным, как предсказывать солнечные и лунные затмения. Это стало венцом долгой карьеры великого Луана Цзиаджи, блестящего математика и изобретателя. Даже одаренной Дзюми Кидосу пришлось опираться на оставленные Луаном ключи и приложить массу усилий, чтобы самой воспроизвести его расчеты. Так неужели льюку, не имеющие, в отличие от жителей Дара, вековых традиций учености и культуры, сумеют решить эту проблему? На первый взгляд подобная идея казалась нелепой.

Но не потому ли Тэра допустила прежде так много ошибок, что неверно оценивала тех, с кем имеет дело? Вольу и Кудью, Тоофа и Радию... Список получался длинным.

– Идет молва, что дела в Татене продвигаются неплохо, – продолжал Аратен. – Группа ученых уже сумела определить период следующего открытия Стены Бурь с точностью до года.

– Не знаешь ли ты, о каком именно годе идет речь? – с тяжелым сердцем осведомилась принцесса. Она уже дорого заплатила за свое высокомерие и не намерена была повторять прошлые ошибки.

Смерть берет верх только тогда, когда мы перестаем учиться.

Аратен покачал головой:

– До меня доходили лишь слухи, никаких подробностей мне не известно.

– Как только ты достаточно окрепнешь, тебе следует вернуться в степь и разузнать больше, – решила Тэра.

«Ах, пожалуйста, только бы это не оказалось правдой!» – молилась она. Ведь при таком раскладе у нее не было ни малейшей возможности помешать отправке нового флота вторжения.

Если Кудью удастся правильно рассчитать момент открытия очередного прохода в Стене Бурь, ее путешествие в Укью-Гондэ и жертвы, принесенные столь многими дара и агонами, будут напрасными.

Разумеется, Аратен не горел желанием возвращаться в степь, где вероятность быть опознанным людьми Кудью возрастала после каждой встречи с очередным племенем. Но Таквал поддержал жену, зная, сколь тяжкий груз лежит у нее на сердце. Ведь сам союз между агонами и дара был задуман, дабы предотвратить новое вторжение льюку на Острова; Тэра никогда не простит себе, если не сумеет выполнить эту важнейшую миссию.

Так или иначе, несколько дней спустя Аратен заявил, что готов, и ушел обратно в степь – один, не взяв с собой ни гаринафина, ни кого-либо из товарищей.

Тэра тем временем продолжала брать уроки верховой езды. Теперь, когда у них имелось два боевых скакуна, представлялось особенно важным, чтобы каждый член отряда умел управлять гаринафином. Мало ли как повернется дело, следует быть готовыми ко всему.

Таквал лично учил жену. Она показала себя способной ученицей и спустя пару недель уже могла достаточно уверенно управлять Га-алом, старым гаринафином, которого привел Аратен (сам Таквал при этом сидел позади нее в седле). Га-ала явно воспитывали в традициях льюку: те через страх и наказания прививали крылатым скакунам полную покорность человеку, так, чтобы звери не были привязаны к кому-либо одному, но подчинялись любому наезднику. Теперь, став слишком старым для участия в боевых действиях, Га-ал исполнял обязанности выючного животного, обеспечивая перевозку людей и грузов; а через год-другой ему предстояло отправиться на убой. Поскольку льюку охраняли престарелого гаринафина не слишком тщательно, Аратен сумел украсть его. Га-ал оказался не просто послушным, но одновременно пугливым и робким. Всякий раз, когда кто-то подходил к его голове, он дергался, как если бы боялся наказания. Жалея бедное забитое создание, Тэра заботилась о гаринафине и врачевала его раны, так что между нею и Га-алом начал потихоньку возникать мост доверия.

Удержаться на гаринафине было самой простой задачей. Пока Тэра не просила Га-ала исполнить в воздухе какой-нибудь трюк, к чему сам пожилой зверь совершенно не стремился, он двигался в горизонтальном полете на удивление ровно. А вот освоить систему команд, отдаваемых через сжатие коленей, удары пятками, поглаживание по шее или голосом (посредством прикладываемого к позвоночнику рупора) оказалось не менее сложно, чем выучить новый язык.

Всадники на быстро летящих гаринафинах были практически глухими. Рев ветра, поднимаемого взмахами крыльев, а также шум проносящегося мимо воздуха почти исключали для наездников возможность переговариваться между собой, не говоря уже про общение со скакуном. Для решения этой проблемы степные народы использовали трубу из кости гаринафина: узкий конец устройства прижимали к последнему позвонку у основания шеи животного, а всадник отдавал через раструб простые команды.

Команда «са-са», к примеру, означала, что гаринафин должен исполнить быстрый разворот в воздухе с целью проверить, не висит ли на хвосте противник. В свою очередь, команда «руга-то» была для скакуна приказом броситься на ближайшего врага и искупать его в пламени. «Пэте-пэте» предписывала повторить предыдущий маневр, а «та-сли» служила сигналом, что гаринафин должен как можно резче перевернуться в воздухе: этот приказ обычно отдавался, когда наезднику требовалось сбросить врагов, которые вздумали идти на абордаж. Команда «тек» чаще всего применялась во время патрулирования, призывая крылатого зверя быть настороже, тогда как приказ «те-воте», пожалуй, использовался реже прочих. Он означал, что скакун должен пустить в ход когти и зубы – то была тактика последнего шанса, когда у гаринафина иссякало огненное дыхание. Тэре предстояло освоить целую систему голосовых

команд, которая дополнялась определенными жестами, закрепленными для основных маневров.

Признаться, поначалу все это показалось принцессе довольно сомнительным.

– Я и сама-то себя не слышу, а как до него докричаться? – спросила она у Таквала.

Ей пришлось отклониться назад и, повернув голову, орать почти прямо в ухо мужу, чтобы тот услышал вопрос.

– Он слышит через кости! – прокричал в ответ Таквал. – Ты просто попробуй! Труба работает!

Не веря в это до конца, Тэра снова повернулась, приложила узкий конец рупора к основанию толстой, как бревно, шеи крылатого зверя и проговорила в раструб:

– Са-са.

Гаринафин покорно развернулся, описав крутой вираж с резким креном, после чего лег на прежний курс и полетел дальше.

Тэру поразило, что животное не только слышит ее через позвоночник, но и прекрасно все понимает. Она не раз слышала прежде, что гаринафины необычайно умны, но одно дело – отвлеченно знать и совсем другое – почувствовать, как гора мышц и сухожилий повинуетя твоим командам.

Потренировавшись еще с неделю, принцесса сказала мужу, что хочет отправиться в полет одна.

– Ты уверена, что уже готова? – засомневался Таквал. – Все-таки для тебя это абсолютно новое занятие...

– Мне по силам справиться самой, – непреклонно заявила Тэра.

– Ладно, – сдался муж, – но не забывай держаться пониже, чтобы тебя не увидели изда-лека, и не покидай долину. Если заметишь что-либо подозрительное, немедленно возвращайся.

Тэра взлетела с первыми проблесками рассвета. Ощущение свободы парения в воздухе будоражило кровь. Лететь верхом на гаринафине было совсем не то, что путешествовать на воздушном судне. Корабль, сооруженный по образу и подобию сокола-мингена, несмотря на пернатые весла и расширяющиеся мешки с подъемным газом, в конечном счете был все-таки машиной, а не живым существом. Человек, который летит на воздушном корабле, представляет собой праздного пассажира, не более того.

Управление же гаринафином, напротив, требовало со стороны Тэры непосредственного участия и постоянного взаимодействия: происходящее напоминало совместный танец всадника и скакуна. Ей приходилось смещать центр тяжести, когда зверь поворачивался, сохраняя равновесие, сжимать и сгибать ноги, чтобы усидеть в седле, соразмерять дыхание с работой легких животного. Надо было синхронизировать движения с партнером-скакуном, чувствовать бедрами тепло гаринафиньего тела, вибрировать в такт дрожи массивной туши – все это делало ощущения органичными, как если бы она и сама превратилась в иное существо.

Обретя уверенность, Тэра поупражнялась в пикировании, наборе высоты, крутых и плавных поворотах, самых простых оборонительных маневрах и даже симитировала несколько атак. Ледяной ветер кусал кожу, вопреки теплу утреннего летнего солнца, встающего над долиной, и заставил ее по достоинству оценить одежду из толстых шкур, столь любимую лыку.

Пролетав так половину утра, Тэра, вполне довольная своими успехами, надумала устроить передышку и перекусить. Для посадки она выбрала широкий каменистый уступ на середине склона крутой горы. Хотя утесы внизу и наверху густо поросли зеленой, каменная платформа была совершенно голой, напоминая рукотворное сооружение. Принцесса сочла ее удобным насестом, где можно перевести дух, поскольку еще не чувствовала себя достаточно уверенно, чтобы принимать пищу верхом на летящем гаринафине.

Но Га-ал, едва приземлившись, насторожился и недовольно взвизгнул, явно выражая желание немедленно взлететь снова.

– Погоди, милый! – со смехом сказала ему Тэра. Чтобы успокоить гаринафина, она ласково, но твердо погладила его сбоку по шее, как это ей показывал Таквал. – Ты, может, и полон сил и задора, но мне требуется немного отдохнуть и подкрепиться.

Однако всегда послушный зверь на этот раз отказывался подчиняться. Он фыркал и недовольно мычал, переступал с ноги на ногу, мешая Тэре спуститься с его спины. В конце концов принцессе не осталось иного выбора, кроме как как прибегнуть к рупору.

– Киру-киру! – произнесла она строгим тоном, требуя подчинения.

Га-ал неохотно наклонил шею и изогнулся так, чтобы наездница могла без труда спешиться. Вопреки недовольству гаринафина, Тэра нашла уступ вполне приятным местом для отдыха. Широколиственные лианы, свисающие с уходящего вверх склона, обеспечивали обилие тени, а с выступающей вперед платформы открывался вид на часть долины внизу и на горы на противоположной стороне. Теперь, когда ей более не приходилось, предельно сосредоточившись, прилагать усилия, дабы удержаться на парящей в воздухе массивной туше, Тэра могла со спокойным сердцем насладиться величественной красотой долины, окинув ту праздным взглядом.

Окольцовывающие долину горы были острыми и крутыми, похожими на острия мечей, а пики их поутру отбрасывали густые тени. У иных гор вершушки были словно срезаны, и получалась плоская платформа, поросшая травой и цветами, напоминавшая причудливую инкрустацию, которой оружейники в Дара украшают свои изделия. Валун, обточенный ветром так, что получились какие-то странные фантастические фигуры, высился на уступах, а дно долины было скрыто туманом. Все здесь выглядело первозданным, неизведанным, не тронутым рукой человека, ибо обитатели степи, в отличие от беглецов, которыми руководило отчаяние, сторонились этих священных гор.

Тэра знала, что после нескольких месяцев странствия на север они вошли теперь в предгорья одного из отрогов Края Света, который агоны именовали Нога, а льюку – Крыло. Если взобраться на каменную стену на этой стороне долины, то откроется вид на высокие горы на востоке: хребет исполинского воображаемого гаринафина, образующий границу царства богов. Эти увенчанные снежными шапками пики, теряющиеся в облаках, словно вонзенные в небесный свод копыя, принадлежали к высочайшим вершинам во всем Укью-Гондэ, а точнее сказать, во всем известном мире.

Принцесса с опаской уселась на край уступа, свесив ноги, достала кожаный мешочек с вяленным мясом и сочными свежими ягодами и принялась за еду.

Наслаждаясь трапезой, она невольно задумалась о разнице между ландшафтами Дара и Укью-Гондэ.

В Дара преобладало море. По сравнению с этим бескрайним жидким зеркалом, голубым и сверкающим, все прочее на Островах казалось миниатюрным, хрупким, утонченным и напоминало логограммы, вырезанные Творцом на воске при помощи писчего ножа из слоновой кости. Величавые утесы, омываемые волнами, образовывали семантические корни; застывшая лава, выглаженная танцующими дождями и поющим ветром, служила модификатором мотива; озера, обрамленные молчаливыми ледниками и наполненные прозрачными чернилами из извилистых рек, были модуляционными символами; а над всем этим царила какофония фонетических адаптеров: стук капель весеннего ливня, чириканье летом птиц в пестром оперении, шорох багряных осенних листьев, прыжки удирающего зимой зайца, скрипы и стоны снастей рангоута и такелажа на кораблях, звон и звяканье монет купцов, шорох перелистываемых учеными страниц и разворачиваемых ими свитков, песни и молитвы монахов и монахинь в пропитанном благовониями храме, поразительное разнообразие местных говоров на рынках и площадях, в ресторанчиках, чайных домах и лекционных залах, в деревушках и во дворцах...

Дара представлял собой красочную книгу из множества логограмм, а люди, населяющие его, были писцами, которые читали, писали, переписывали, редактировали, исправляли, под-

правляли, компилировали, перестраивали и шлифовали текст. Ландшафт этой страны похож на сливовый сад или возделанное поле, по которому боги в облике людей, но только в масштабе героев, прохаживались важно, словно садовники и земледельцы, частенько вмешиваясь в дела подопечных – как ради них самих, так и для своей собственной забавы.

В Укью-Гондэ же, по контрасту, главенствующей чертой местности была голая степь, и изваявший ее Скульптор орудовал топором огромным, как падающая звезда, и грубым, словно вой жутковолка. Озера здесь были широки, как моря; реки непостоянны и непредсказуемы, словно сердце юной девы; горы высечены из первозданного хаоса с небрежностью, оставившей зазубренные шрамы. Бескрайние дебри напоминали огромную плотную шкуру, натянутую на скелет вселенной. И буквально все на этой шкуре – племена людей, стада коров и туров, отары овец и муфлонов, стаи жутковолков и других хищников, подстерегающие добычу тигры и летящие в небе гаринафины, чахлые заросли кустарника, колючих кактусов и островки травы – колыхалось и вибрировало, словно пригоршни цветного песка, брошенного шаманом, который исполняет повествовательный танец. Ну а местные боги, существа далекие и аморфные, бесстрастно наблюдали со стороны за этой картиной, считая ниже своего достоинства прикасаться к ней.

Все в Укью-Гондэ было чрезмерно большим, просто огромным, имеющим невероятный размах. Даже высочайшие вершины Дара не могли сравниться с безымянными пиками Крыла-Ноги, не говоря уже о величественном становом хребте гор Края Света. Даже глубочайший каньон Дара, думала Тэра, покажется всего лишь оврагом по сравнению с этой долиной, такой широкой и просторной, что ее даже на гаринафине облететь непросто. А ведь они за время пути миновали сотни подобных долин. Целые острова из архипелага Дара могли бы поместиться внутри Чаши Алуро или моря Слез, а еще говорят, что на севере, на Пастбище Нальуфин, громоздятся тысячи тысяч льдин, каждая величиной с гору. Пыльные бури, которые в степи не редкость, способны целиком накрыть область размером с Арулуги или Руи, поглотив целое королевство одним божественным выдохом.

«Как мне понять эту землю, такую не похожую на страну, в которой я родилась и выросла? Как понять ее богов, столь отличных от богов моего детства? Как научиться ходить ее загадочными тропами, совсем не такими, как у моего народа?»

Как там выразилась та загадочная дама, которая, судя по всему, была богиней? „Если вам не нравятся истории, которые вам рассказывают, наполните свое сердце новыми историями. Если вам не нравится пьеса, которую вам дали, пропишите для себя новые роли“. Я живу здесь. Чтобы начать второй акт, следует закончить первый, поставить жирную точку».

Продолжая любоваться долиной, этим настоящим чудом природы, Тэра мысленно перенеслась в тот далекий день, когда сидела на другой горе, созерцая раскинувшийся у своих ног мир, рядом с той, которую любила.

Далеко ли путь лежит их, приведет куда? И какие повидают страны, берега, Прежде чем на дно осядут и дадут росток И над тихими волнами вновь взойдет цветок?

– Ах, Дзоми, моя бдительная слабость, – прошептала она, а потом возвела глаза к солнцу и взмолилась, чтобы эта золотая сфера, такая же вездесущая, как луна, согласилась передать послание ее возлюбленной. Она теперь мать двоих сыновей, она жена другого, ее опутывают многие привязанности и нити любви, но связь, объединяющая их с Дзоми, по прошествии времени не ослабла. Тэра надеялась, что ее далекая подруга тоже смотрит сейчас на солнце и способна уловить ее мысли.

«О чем думаешь ты? Чем занята? Помогает ли Фиро стать лучшим императором? Нашли ли вы, моя мать, брат и весь народ Дара, способ разгромить захватчиков-люку или хотя бы сдержать их натиск? Удалось ли вам...»

Внезапно принцесса вынырнула из раздумий. Га-ал громко мычал и вопросительно смотрел на нее. Обратив лишенные зрачков глаза на тыльную сторону утеса, он вдруг враждебно фыркнул.

– Что случилось, Га-ал?

Гаринафин тряхнул головой и принялся пятиться от скалы, пока не оказался на самом краю выступа. Он стал поворачивать над Тэрой свою длинную шею и остановился, когда та вместе с головой указала на долину, словно очень большой и длинный палец.

– Знаю, что тебе не терпится снова полетать, – рявкнула Тэра, раздосадованная столь несвоевременным вмешательством крылатого скакуна. – Но я хочу еще немного побыть здесь одна, ладно?

Га-ал фыркнул, с мольбой глядя на нее.

Тэру разбирал смех. Но в то же время она начинала злиться на этого упрямого зверя, пусть даже и обладающего незаурядным умом.

– Я так давно не чувствовала себя самой собой. За последнее время столько всего... случилось.

Так приятно было говорить с Га-алом: ведь гаринафин не мог осудить принцессу или усомниться в ее словах, использовать откровенность Тэры ей во вред или плести против нее интриги. Теперь она понимала Тоофа, который говорил, что предпочитает общество гаринафинов, а не людей.

Поняв, что Тэра обращается к нему, Га-ал наклонил массивную голову и озадаченно посмотрел на женщину. Потом нетерпеливо поскреб грунт лапой, словно цыпленок, откапывающий червяка.

– Я пыталась сделать как лучше, стараясь в равной степени для агонев и дара, но, увы, ничего не вышло. И сдается мне, проблема в том, что я не научилась на самом деле думать так, как того хочет от меня эта страна. Мне нужно стать не принцессой Дара, а настоящей агонялкой. Как степи Укью-Гондэ отличаются от моих родных островов, точно так же боги и легенды у нас тоже разные, и мне следует проникнуться духом этой земли. И пока я не начну учиться, в самом деле учиться...

В этот миг Тэра заметила, как шея Га-ала напряглась. Странное чувство овладело ею. Вернее, не совсем так: казалось, это произошло не только с нею, но и с целым миром вокруг. Он вдруг стал ни с того ни с сего молчаливым и тихим, и принцессу окутала некая мистическая сила.

Ощущение это, насквозь пропитанное какой-то невыразимой чистотой и неосязаемой ясностью, трудно было описать словами. Однако оно было знакомо Тэре, поскольку прежде та уже переживала его дважды: в первый раз – на озере Тутутика, во время беседы с загадочной дамой, рассказавшей ей притчу о семенах лотоса и сердцевине пустоты; а во второй – когда она встретила во дворце в Пане с безмянным мастером, который играл на моафье и указал ей на сходство между звуком и светом.

А сейчас Тэре казалось, будто ее баюкают на ладони у великана – нет, скорее, даже поместили в *ухо* этого великана. Принцессу обволакивала некая могущественная, внушающая благоговение субстанция, которая внимательно *слушала* ее. Вероятно, то же самое чувствует новорожденный младенец, когда его прикладывают к материнской груди: полное умиротворение, основанный на доверии покой, безграничную любовь и защищенность от любых бурь.

Тэра позволила себе полностью отдаться этому ощущению. После долгих терзаний и сомнений, после рвущей сердце горечи утраты она жаждала, чтобы кто-то искренне внимал ей, услышал голос ее сердца, пока она берет робкую ноту. Таквал и Торьо старались как могли и подошли достаточно близко, но никто пока еще не смог услышать голос ее сердца так, как этого хотелось бы ей самой. Никто в целом свете, за исключением разве что Дзоми.

Окружающий мир померк в ее сознании, Тэра желала лишь одного – погрузиться в это всепоглощающее море любви, качаться на волнах вечности, где тебя всегда слушают и слышат.

Увы, какие-то звуки постоянно отвлекали внимание, как если бы назойливые мелкие рыбешки больно щипали ее во время плавания по спокойному морю. Она нырнула поглубже, туда, где ее не могли достать.

Га-ал прыгнул через площадку и приземлился, размахивая когтями.

«...как если бы заметил некую угрозу», – краешком сознания отметила принцесса.

Но движения гаринафина казались Тэре какими-то ненастоящими, словно в театре теней. Реальность была океаном непостижимого. Принцесса погрузилась в него настолько глубоко, что ноги ее коснулись дна, и теперь оказалась посреди обширной равнины под бескрайним небом, а вокруг росли кустарники с кривыми ветками и матовыми листьями, поникшими, словно люди при встрече с божеством. Сверкающие молнии перечеркивали небо, по степи танцевали высоченные смерчи. Каждый столб был воистину громадным, занимая все пространство от земли до облаков.

Танцующие вихри как будто образовывали различные фигуры: то были титаны, сражающиеся на арене величиной с целый мир. Эпохи человечества сменяли друг друга. Тэра видела, как зарождаются и умирают целые поколения. Одни создания выглядели словно птицы, другие – как рыбы, иные напоминали узловатые кактусы, безмолвно растущие среди пустыни. Она видела, как племена возрождаются из пепла и останков разрушенных миров. Наблюдала за тем, как люди возводят сооружения, способные соперничать с величием богов, только ради того, чтобы их уничтожили не знающие жалости и сострадания чудовища. Она видела рай на земле, а затем обрушивающийся с небес ад. Видела, как выходят на сцену агоны и львуку, кочуя по степи со стадами коров и овец, как взлетают они на спинах гаринафинов, чтобы сразиться с богами и людьми, не страшась возможных последствий.

Га-ал снова отпрыгнул к краю уступа, скуля от страха.

«...как если бы проиграл некую схватку».

Но все это было не важно. Пребывая в объятиях некоей высшей силы, Тэра продолжала наблюдать за происходящим из безопасного места и в свете божественного огня зачарованно смотрела на величайший во вселенной рассказ-танец. Она рыдала, когда негодия торжествовали во тьме; ликовала, когда герои побеждали благодаря смекалке и силе; она обнаруживала в этих историях нити, объединяющие их с легендами Дара, находила исконную правду, содержащуюся во всех мифах, которые пережили века. А еще принцесса улавливала отличия, делающие истории уникальными для выражения самого духа степняков, присущими только этой земле с ее флорой и фауной, суровым климатом, словно вырубленными топором горами, людьми и богами.

Тэра была уверена: сейчас она испытывает именно то, что имеют в виду шаманы, рассказывая, как божественный дух снисходил на древних воинов. Ее тело не принадлежало больше ни ей самой, ни этому миру, и все происходящее на этом каменном уступе – что бы там ни происходило – не имело никакого отношения к ее сущности, ее душе.

Она чувствовала себя бессмертной.

Га-ал снова прыгнул, прямо через голову женщины, и Тэра инстинктивно пригнулась. А потом обернулась, чтобы посмотреть, в чем дело.

Между танцующими вихрями к ней грациозно пробиралось некое гигантское существо наподобие кошки, из челюстей которого торчали острые клыки. Тварь была размером по меньшей мере со слона с острова Экофи. Похожая на пещеру пасть разверзлась, когда зверь зарычал, однако при этом не раздалось ни звука.

Этот хищник был здесь абсолютно неуместен, словно актер, который внезапно появился перед экраном в театре теней, разрушив иллюзию.

Тэра совсем не испытывала страха. Если саблезубый тигр намерен растерзать ее на куски, она обретет свободу и не будет больше прикована к этому подлунному миру.

Спускаясь и махая в воздухе крыльями, чтобы сохранить равновесие, Га-ал попытался атаковать тигра левой ногой. Саблезубый зверь отмахнулся от гаринафина могучей лапой, выдвинув когти. Га-ал взвизгнул и отчаянно забил крыльями, дабы податься назад.

Принцессе хотелось сказать им обоим, чтобы прекратили. Здесь не место для насилия и борьбы. Здесь, в этом мире чистой любви. Ей хотелось, чтобы оба зверя почувствовали то, что чувствует она сама. Ну почему это для них недоступно?

Га-ал бился в воздухе, тесное пространство уступа затрудняло взлет. Он обогнул площадку с внешней стороны и снова накинута на тигра, на этот раз с тыла. Саблезубому гиганту не осталось иного выбора, кроме как припасть к земле и перекатиться на другое место. Тигр отвернулся от Тэры и обратился к гаринафину, тихо рыча. Га-ал изогнул длинную шею, чтобы убрать подальше голову, как если бы его противник разбрызгивал невидимый яд.

Сцена в виде бескрайней степи и танцующие торнадо мигом исчезли, и Тэра охнула, как будто ее грубо вырвали из теплого пруда и швырнули в безжалостный холод этого мира. Звуки и цвета реальности потоком обрушились на ее сознание. Она стала отползать на четвереньках назад, забыв про обрыв у себя за спиной, желая лишь убраться подальше от этого зверя.

Саблезубый тигр резко повернул голову и встретился с принцессой взглядом. А потом открыл пасть и снова тихо зарычал.

Божественное присутствие вновь снизошло на Тэру, и она оставила все попытки сбежать. Ее снова поместили в ухо великана, она оказалась среди теплого всепоглощающего моря, в божественной степи с вечно танцующими смерчами.

«Беспокоиться совершенно не о чем».

Она улыбнулся приближающемуся тигру и поманила его к себе.

И тут огромная тень нависла над принцессой. Тэра подняла глаза. Крылья гаринафина заслонили на миг солнце, когда зверь и всадник стали падать на нее с высоты.

Глава 5

Танто отправляется в Курганы

Татен-рио-алвово, седьмой месяц девятого года после отбытия принцессы Тэры в Укью-Гондэ (за десять месяцев до предполагаемого отправления новой флотилии лыку к берегам Дара)

Одним ясным летним днем, когда Сатаари и Радзутана собирали детей, чтобы отвести их на берег, наловить там рачков-артемий и накопать болотных моллюсков, Танто пожаловался на боль в животе. Встревоженный Радзутана предложил остаться с ним, но мальчик отказался.

– Мне просто нужно немного отлежаться.

– Пей больше воды.

Малыш кивнул и сдвинул брови, как если бы старался сдержать стон.

– Сильно болит? – спросил Радзутана. – Сейчас попрошу Сатаари дать тебе какое-нибудь лекарство.

– Нет-нет, не стоит беспокоиться! Думаю, ничего страшного, – возразил Танто. – Наверное, я просто съел слишком много кислягод вчера вечером.

Он перестал хмуриться и даже попытался улыбнуться, хотя ученый видел, как пальцы мальчишки сжали глиняную логограмму «мутагэ», которую тот носил на ремешке на шее.

Танто никогда не ленился, поэтому у Радзутаны даже и мысли не возникло, что тот собирается увильнуть от работы.

– Хорошо, – произнес он ласково и погладил мальчика по лбу, отбросив в сторону прядку волос. – Может, хочешь съесть чего-нибудь этакого?

Мальчик призадумался:

– Может... когда вернетесь, то приготовите ту пасту из жареных креветок, которую мама подавала нам вместе с омлетом?

Омлет не относился к числу блюд, которые любили агоны, но Тэра готовила его для сыновей.

Танто перешел с языка степняков на дара, что редко делал в обществе других детей, за исключением брата. Сам того не заметив, Радзутана тоже переключился на дара.

– Я постараюсь. Попрошу Налу поискать яйца крачек. Что до пасты из креветок, твоя мать готовила ее иначе, чем мы это делали в Дара, потому как в Гондэ нет свиного сала...

– Мне это очень нравилось. Так вкусно!

– Ну конечно. – Сердце у Радзутаны сжалось от сочувствия. Мальчонка всегда храбрился, но очень скучал по матери. – Я постараюсь приготовить все по рецепту принцессы. Может, попробую использовать жир лунношкурной крысы вместо... Получится похоже, хотя и не то же самое.

– Добавь еще кусочки обжаренной кожи. Мама всегда так делала.

– Непременно.

– И нельзя ли вместо яиц крачки использовать какие-нибудь другие, покрупнее? Мама брала яйца горного гуся...

Радзутана знал, что на востоке, в противоположном от моря Слез направлении, в тростниковых зарослях на берегу солончаковых болот гнездятся утки. Это означало, что им придется предпринять более долгий поход, чем они с Сатаари изначально планировали, но он все равно кивнул:

– Ладно. Попробуем поискать, авось и найдем что-нибудь подходящее.

Едва лишь Радзутана и Сатаари вывели детей из лагеря, как Танто мигом сбросил одеяло из оленьей шкуры и выбрался из-под навеса. Он бдительно осмотрелся, проверяя, действи-

тельно ли остался один, а потом побежал к большой яме к югу от их поселения, служившей помойкой.

Танто шел по краю ямы, пока не добрался до большого белого камня. Там он принялся копать. Подготовка к этому дню длилась несколько месяцев. После каждого приема пищи мальчик утаивал немного вяленого мяса и сушеных фруктов, постоянно пополняя запасы в своем тайнике. Вместе с Налу он упражнялся в обращении с пращей и чтении следов, пока не сделался почти таким же хорошим охотником, как и его друг. Он также брал уроки у Сатаари, пока не убедился, что способен распознать самое мягкое место в рощице, где нужно копать грязь, чтобы вода просочилась и наполнила ямку. А еще Танто упросил Радзутану показать, как правильно фильтровать грязную воду при помощи кубка из черепа, наполненного песком и камешками, пока она не станет пригодной для питья. Мальчик высушил на солнце и сложил в кожаный мешочек нарезанный на кусочки корень императы, зная, что ни один воин или охотник не отправится в поход, не имея при себе запаса этого растения, так хорошо помогающего при ранении или болезни.

Пальцы нащупали тайник в мягкой почве. Сердце в груди у Танто подпрыгнуло, как заяц. У него получилось! Отправив всех остальных в лагере на поиски яиц, что займет у них большую часть дня, он выиграл время и теперь надеялся, что этого хватит, дабы успеть воплотить свой план в жизнь.

Завернув пожитки в одеяло из оленьей шкуры, мальчик аккуратно закрепил получившийся сверток на спине. Затем, сунув за пояс пращу, зашагал на север, в направлении Курганов.

Он сорвался с места и побежал, хотя и знал, что долго поддерживать такой темп не сможет. Но ему хотелось как можно быстрее удалиться от лагеря. Только войдя в рощицу в лощине между двумя курганами, возвышавшимися, словно столбы исполинских ворот, Танто замедлил шаг. Сатаари никому не разрешала заходить дальше этой границы и приближаться к Городу Призраков.

Бесчисленные толпы бесприютных духов были обречены вечно бродить среди Курганов, потому что они разрушили рай и теперь не способны подняться в небесный чертог на облачных гаринафинах.

Мальчик опустил на колени и стал горячо молиться Все-Отцу и Пра-Матери:

– Я Танто Арагоз, сын Таквала, сына Нобо, пэкью-тааса агонов. Я знаю, что это запретная земля, но пришел сюда не затем, чтобы побеспокоить заточенных духов или бросить вызов богам. Я просто хочу... хочу попросить о великой милости.

Он месяцами складывал в голове эту молитву, стараясь подражать ритму танцев-сказаний Сатаари и Адьуллек, а также слогу древних саг, которые рассказывала ему мать на ночь. Теперь слова полились из него неудержимым потоком:

– Льюку следуют тропе зла, которую впервые избрали надменные люди Пятой эпохи. Вот уже несколько поколений подряд они не перемещают Татен и живут на одном месте, заставляя рабов трудиться, чтобы обеспечить себе пропитание и всевозможные удовольствия. Они загнали агонов в самые отдаленные уголки Гондэ, забрав себе хорошие пастбища. Льюку пали жертвой одержимости городами-кораблями, этими жуткими махинами, которые привели сюда злонравные чужеземцы, презирающие обычаи степных народов.

Тут мальчик немного помедлил, опасаясь, что боги могут отвергнуть его, так как он связан кровными узами с теми самыми странниками, прибывшими из-за моря. Но... но боги ведь должны видеть, что этот адмирал Крита был совсем не такой, как его мать, и к тому же маминны соплеменники тоже стали жертвами льюку, разве нет?

Танто потрянул головой, отгоняя сомнения, и продолжил:

– Льюку так могущественны, что большинство добрых людей не решается восстать против них, а тех, кто отваживается, безжалостно вырезают. В общем, льюку стали поработать землю, изнурять ее, вместо того чтобы свободно бродить по ней. Они живут в роскоши и разврате, забыв о вечно обновляющемся духе степи, воплощенном в деяниях Афир и Кикисаво. Льюку забрали у меня родителей, бабушку, дедушку в Дара, семью моей матери, которую я никогда даже не знал, моих друзей, учителей, многих взрослых. И я даже не знаю, кто из них еще жив.

Тут Танто снова помолчал, сглатывая слезы. Сделав несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться, он заговорил снова:

– Льюку следует дать отпор, иначе тьма, ознаменовавшая конец Пятой эпохи, опять опустится на степь и вам в очередной раз придется истреблять человечество, забывшее ваши уроки. Вот почему я пришел в это запретное место в поисках могучего оружия, которым владели некогда гордые вожди прошлой эпохи. Шаманы говорят, что оружие Пятой эпохи противоестественно и проклято, но я с этим не согласен. Мама всегда говорила, что в природе орудий нет ничего изначально доброго или злого, поскольку они предназначены лишь для того, дабы воплощать то, что уже угнездилось в сердцах людей. Льюку коварны и стремятся к порабощению всех прочих, а потому в их руках города-корабли из Дара служат орудием зла. Мои родители добры и желают освободить агонев, и в их руках оружие Дара служит благу делу. Наш характер проявляется не в выбранном оружии, но в той цели, ради которой мы сражаемся, и в том, каким способом мы пускаем его в ход.

Я говорю не о какой-то новой мудрости, но об уроках, уже преподанных Афир и Кикисаво. Люди были изгнаны из рая, однако герои бросили вызов богам, чтобы дать людям оружие и умения, которые позволят им вернуться в рай. Хотя вы не одобрили их пути, в конце концов вас все-таки подкупили отвага и чистые сердца двух друзей, и вы дали им ценные орудия, благодаря которым люди могут обогревать шатры и отгонять тьму, сражаться с хищниками и добывать пищу, чтобы укрепить силы, вы дали им в союзники гаринафинов. Наверняка эти же орудия доступны были и в Пятую эпоху, но в руках ее обитателей они только раздували гордыню и подрывали нравы. Вы отобрали у людей рай, но вернули Афир и Кикисаво инструменты, чтобы устроить новые островки рая среди сурового земного ландшафта.

И вновь Танто помолчал, надеясь, что богов убедила его неортодоксальная трактовка исполняемых шаманами повествовательных танцев. Честно говоря, аргументы свои мальчик позаимствовал из истории Дара, которую рассказывала им с братом мать: в руках Гегемона На-ароэнна пила кровь невинных и опустошала Острова, тогда как в руках маршала Гин Мадзоти Конец Сомнений стал орудием мира, остановив губительное нашествие льюку.

«На самом деле очень плохо, что боги Гондэ не знают про героев Дара, – подумалось ему. – В ином случае убедить их оказалось бы гораздо проще».

– Я пэкью-тааса агонев, а если мой отец уже улетел на облачном гаринафине, то теперь я стал вместо него новым пэкью. Я недостаточно силен, чтобы самому разбить льюку, но, если мою силу умножит спрятанное здесь, в Курганах, древнее оружие, у меня появится шанс. Пожалуйста, позвольте мне пройти в Город Призраков. Испытайте меня, как вы испытывали Афир и Кикисаво, и рассудите так же честно, как рассудили их. Сердце мое чисто, и, как только льюку будут повержены, я сразу же верну позаимствованное оружие на место, клянусь.

Танто напряженно слушал, ожидая ответа богов. В густой тени рощи царил сумрак, если не считать время от времени пробивающихся сквозь кроны солнечных лучей, отчего на земле возникал пестрый рисунок. Мальчик наблюдал за игрой движущихся теней, внимал шороху ветра среди листьев, надеясь уловить какой-либо намек на проявление божественной воли, получить путеводный знак.

Ответа не последовало, однако молчание тоже было своего рода ответом. Боги не возражали против того, чтобы Танто Арагоз вошел в Город Призраков. И он двинулся дальше.

Мальчик потратил большую часть дня, продираясь через густые заросли в долине. Вынырнув на свободное пространство, он увидел обступающие его со всех сторон курганы, причем каждый новый был громаднее предыдущего. Эти холмы разделялись заросшими деревьями и травой долинами, по которым струились заболоченные речки.

Солнце садилось на западе. Танто решил взобраться на курган слева и осмотреть местность, прежде чем станет темно. Курган не был высоким, на фоне гор Края Света – всего лишь холмик. Но после долгого похода через солончаковые равнины и после зимы, проведенной на берегу озера, мальчику казалось, что он поднимается к самому небу.

Когда он, запыхавшись, взобрался на самую вершину, на небе уже появились первые звезды. Танто застыл, не шевелясь, и огляделся.

На юге виднелся темный лес, из которого он недавно вышел. За ним находился крошечный поселок, в котором, как Танто надеялся, младший братишка, не выдав его секрет, готовится сейчас лечь спать. Мальчик уже ощущал первые уколы страха и одиночества, тосковал по безопасному лагерю, по своим друзьям и соплеменникам. Но Танто мужественно отбросил эти мысли. Он лишь в самом начале пути, на котором его наверняка поджидают куда большие трудности.

Он повернулся к западу и разглядел за грядой невысоких холмов поблескивающие волны моря Слез. Солнце уже опустилось в большое соленое озеро, так что на горизонте остался только багровый ободок.

Потом Танто обратил взор на северо-восток, и у него перехватило дух. Насыпанные из земли курганы, напоминавшие колонны, стояли ровными рядами, на сколько хватало глаз. Хотя все они были густо покрыты зеленью, вряд ли можно было ошибиться, приняв их за творения природы. Во-первых, все курганы были одинаковой формы: грубый овал у основания и абсолютно симметричные, словно бы по центру провели вертикальную ось, склоны; эти рукотворные холмы постепенно сужались кверху, пока округлые стенки не превращались в почти отвесные, плоские, сходящиеся в заостренном пике. Во-вторых, расположены курганы были в строго определенном порядке, как по клеточкам, хотя некоторые значительно превышали размерами остальные. Курганы поменьше стадо пасущихся овец могло обойти кругом за несколько часов, тогда как для больших потребовались бы дни.

«Интересно, города в Дара выглядят так же?» – подумал Танто.

Мать рассказывала им с братом про удивительные города своей родины, рисовала эскизы, но у него, вплоть до этой минуты, так и не сложилось четкое представление о *городе*, этом странном месте, заполненном большими искусственными конструкциями, именуемыми *домами*.

Поскольку городов Дара Танто никогда не видел, самым близким из пришедших ему на ум было сравнение с улегшимся отдыхать стадом. Огромные дремлющие рукотворные холмы-звери тянулись до самого горизонта, готовясь к ночному сну.

А потом мальчик разглядел в сгущающихся сумерках еще кое-что: вдалеке, в самой середине Города Призраков, возвышался курган столь исполинских размеров, что его можно было сравнить с гаринафином в окружении стада длинношерстных коров. То была настоящая гора среди племени холмов; казалось почти невероятным, чтобы такую громадину возвели человеческие руки. Наверняка шаман, забравшись на самую верхушку кургана, мог бы протянуть руку и достать с неба звезду.

Боги задумали наказать своих смертных сородичей за дерзкую попытку дотянуться до звезд.

Вспомнив эти слова Сатаари, Танто поежился.

«Вот туда-то мне и надо».

Путешествие через Курганы оказалось нелегким и небыстрым.

Протекавшая с востока на запад Призрачная река разделялась среди рукотворных холмов на паутину проток, которые постепенно переходили в болота, неотличимые от поросшего травой луга. А где не текла река, там ложбины между курганами поросли деревьями. Танто постоянно чавкал по грязи, брел по воде, прокладывая путь среди густых ветвей, а если растительность становилась слишком буйной, карабкался на склон одного из курганов.

Целые рои гнуса набрасывались на лицо и руки мальчика, и вскоре кожа его покрылась зудящими красными волдырями. Хотя здесь росло множество странных фруктов, источающих соблазнительный сладкий аромат, Танто не отваживался их есть, опасаясь, что плоды могут оказаться ядовитыми. Желая сохранить как можно дольше запасы еды, взятой из лагеря, Танто питался теми немногими корешками и стеблями, про которые точно знал, что они безопасны, и дополнял свой рацион выкопанными из земли личинками и пойманными насекомыми. Иногда ему удавалось убить при помощи пращи птицу или зайца, и тогда он жарил добычу на костре, радуясь предстоящему пиру.

День за днем мальчик приближался к гигантскому кургану в центре Города Призраков.

По пути Танто видел немало такого, что озадачивало его. Например, расположенные на склонах некоторых холмов каменные ступени, указывающие на то, что некогда по ним взбирались вверх, и, быть может, довольно часто. Он проходил мимо больших участков уплотненной земли и гравия, пустых, если не считать нескольких больших обломков скал. Это наводило Танто на мысль об огромных машинах, теперь полностью сгнивших, которые раньше стояли на этом месте. Число плоских граней на вершинах курганов разнилось: три, четыре, пять, шесть, семь... Некоторые насыпи оставались овальными от основания до верхушки, что делало их больше похожими на природные образования.

Большинство курганов было изъязвлено по бокам пещерами с каменными стенами и полом. Заметив бледные следы росписей на некоторых стенах, Танто сделал вывод, что некогда эти пещеры служили жилищами. Иные из них, извиваясь, тянулись далеко вглубь земляной насыпи, но он никогда не доходил до конца, боясь потеряться.

«Лучшее оружие, должно быть, спрятано в глубине города».

Сатаари говорила, что здешние холмы – это погребальные курганы, могильники, где прячут тела покойных, лишая их естественной судьбы стать пищей для стервятников, и крадут таким образом у душ живительный свет Ока Кудьуфин. Но теперь Танто засомневался, что Сатаари была полностью права: трудно представить, как люди могли жить на вершинах таких жутких сооружений.

В тени одного большого холма ему довелось проходить через поле, заполненное каменными кучами, миниатюрными копиями курганов. Эти нагромождения камней имели разную высоту, но ни одна куча не была выше его роста. Они по большей части заросли лианами и травой, а многие в результате суровых зим обратились всего лишь в груды щебенки. Мальчик представлял себя мышью-полевкой, пробирающейся через скопления грибов.

Внезапно он испытал странное ощущение, как будто на него кто-то смотрит. Танто резко обернулся, но никого не увидел: ни птицы, ни зверя, ни человека. Руки у него мгновенно покрылись мурашками, а на спине, хотя стоял жаркий день, выступил холодный пот. Он испугался неведь чего и побежал.

Точно такое же чувство возникало у него, когда он навещал маленькое кладбище в дальнем конце долины Кири, где по обычаю родной страны были похоронены адмирал Миту Росо и другие умершие из Дара. В день Праздника ухода за гробницами Тэра всегда брала с собой сыновей, чтобы убрать сорняки и подновить логотипы на табличках, отмечающих могилы. Танто и Рокири оба ненавидели эту процедуру.

Выбравшись наконец с этого поля каменных куч, Танто рухнул на землю. Прошло немало времени, прежде чем мальчик перевел дух и собрался с силами идти дальше.

Он все шагал и шагал вперед, не оглядываясь.

В других местах Танто замечал признаки того, что грунт выравнивали и придавали ему форму. Растения на этих участках росли рядами, напоминая огородные делянки, которые так усердно возделывали в долине Кири мать и другие выходцы из Дара. Заинтригованный, он подошел ближе к этим прямоугольным участкам и обнаружил, что земля в них разделена на длинные узкие гряды при помощи низких каменных стенок. Почва скрыла камни, а поскольку толщина грунта и его влажность на межах и на грядках отличалась, то и растения там и там произрастали разные.

Что же такое, интересно, тут вообще происходило? Танто вздрогнул, поймав себя на мысли, что это могут быть следы порабощения земли проклятыми людьми Пятой эпохи.

Иногда у склона кургана или на берегу реки он наткался на человеческие скелеты. Отсутствие шкур или иной одежды указывало на то, что люди эти умерли очень давно, а неизвестные костяные и каменные предметы близ останков говорили о том, что они не принадлежали к степным племенам, во всяком случае уж точно не к агонам. Были ли это люди Пятой эпохи, погибшие, когда боги очищали этот город гордыни? Или отважные искатели приключений, пренебрегшие гневом богов, чтобы исследовать это запретное место? А может, беглецы вроде него самого, пытавшиеся найти укрытие от погони, спрятавшись в Городе Призраков? Теперь, увы, уже никто не узнает правды.

Танто, выросший среди степняков, совершенно не боялся костей. Он спокойно разбирали их, брал те части, которые считал нужными, а остальные ломал на мелкие кусочки. Из костей он конструировал арукуро токуа – игра с ними помогала снять напряжение, а еще это был способ почтить дух умерших. В каждого костяного зверя мальчик вкладывал сделанную из фрагментов кости логограмму дара: «отец», «мать», «рот», «сердце», «вера», «рыба», «птица» и так далее. Раньше, когда они еще жили в долине Кири, он терпеть не мог упражнений с логограммами, но теперь благодаря им создавалось ощущение, будто он разговаривает с матерью.

Продолжая путь, Танто оставил свои арукуро токуа, уникальные конструкции, сочетающие мудрость ано с мастерством степного народа. Подгоняемые дождем и ветром, они сами по себе отправятся исследовать курганы.

Как-то раз, заблудившись в тумане, повисшем в лощинах между холмами и не рассеявшемся даже после восхода солнца, мальчик взобрался на высокий курган, чтобы сориентироваться. И обнаружил на вершине круглую каменную площадку с отметками, высеченными по краю. Все линии сходились в одной точке, точно в центре круга. Танто предположил, что отметки указывают на положение звезд или неких видимых с платформы ориентиров, но каких именно – понять не мог.

По ночам он всегда старался устроиться на склоне одного из курганов, предпочтительно в выложенной камнем пещере. Это помогало защититься от промозглого холода топкой низины, а также, как Танто надеялся, и от хищников: вряд ли те полезут на такую высоту. До сих пор ему не встретилось никаких опасностей, вроде жутковолка или саблезубого тигра, но спал он чутко, всегда держа руку на праще или на костяном топорике.

Танто стер ноги на внутренней стороне бедер, и потертости отказывались заживать. Он травился водой из чашки-черепка, поскольку не мог отфильтровать ее как следует, и лежал в бреду, пока ему не становилось лучше. Он потерял счет дням, проведенным в Татен-рио-алвово. Он плакал по ночам, скучая по брату, Налу, Радзутане, Сатаари и остальным. Но понимал, что зашел уже слишком далеко, чтобы поворачивать назад, а потому у него нет иного выбора, кроме как идти дальше.

Туман в лощинах становился все гуще. Подобно Афир и Кикисаво, когда те приближались к богам, большую часть времени Танто теперь брел наугад, не имея представления, куда именно идет.

Наконец, после очередной ночи бесцельных хождений, бедняга пал духом и готов был уже сдаться усталости и отчаянию: лечь и не вставать больше, отдав свое тело на растерзание стервятникам.

«Поутру я заберусь на ближайший курган и умру под Оком Кудьюфин».

Перед рассветом ему потребовались все силы, чтобы подняться на холм. Танто ждал последнего восхода в своей короткой жизни.

– Папа, мама, простите меня, – прошептал он, и слезы покатились у него по щекам.

Солнце поднялось над горизонтом на востоке и растопило туман своим золотым сиянием. Мальчик посмотрел в сторону светила, и из горла его вырвался радостный крик. Искусственное сооружение находилось так близко, что достаточно было, казалось, протянуть руку.

Он дошел до самого большого кургана из всех, возвышавшегося, словно гора, в центре Города Призраков.

Танто был уверен, что самое могущественное оружие Пятой эпохи, если оно вообще существует, должно быть спрятано внутри главного кургана. Курган этот, который мальчик про себя окрестил Великим, доминировал над Городом Призраков, как Большой шатер пэкью лыку над Татеном, и наверняка служил последним приютом для надменных вождей той порочной эпохи.

Почувствовав прилив сил, следующие несколько дней Танто потратил, лазая по рукотворной горе в надежде найти вход внутрь. Но в отличие от большинства курганов, мимо которых ему довелось проходить, он не обнаружил ни пещер, ни потайных входов, ни тропинок, ни лестниц; здесь не было площадки наверху или подпорных стенок по бокам. Сооружение оказалось идеально симметричным, имело овальную форму снизу доверху, а стороны его были гладкими и изящными, как панцирь черепахи. Если бы не эта идеальная симметрия, исполинский курган легко можно было принять за поросший сочной травой и лесными цветами всех оттенков холм естественного происхождения.

Теперь, когда Танто оказался буквально в одном шаге от цели, было невыносимо думать, что он не в силах переступить через этот последний порог. На вершине гигантского кургана бедняга опустился на колени и горько расплакался. Неужели боги агонии позволили ему забраться так далеко затем лишь, чтобы посмеяться над его беспомощностью?

Наплакавшись, Танто поднялся и снова принялся за поиски. Истории, рассказанные матерью и шаманами, придавали ему новых сил. Кикисаво и Афир не сдались, когда заблудились в тумане, и герой Илутан тоже не сдался, будучи пойман в ловушку в логове коварных демонов. Он последует их примеру.

С наивысшей точки мальчик внимательно обозрел подножие кургана. По продольной оси тот был сориентирован с севера на юг, а с каждой из поперечных его сторон, отделенные коротким отрезком утоптанной земли, располагались поля с небольшими каменными кучами, напомнившими ему кладбище в долине Кири. На западе, там, откуда Танто пришел, росла рошица, отделяющая гигантский холм от его меньших собратьев.

А вот на востоке, где поднималось солнце, он увидел кое-что необычное. От подножия кургана на мили на восток тянулся болотистый луг, похожий на озеро из трав, и лишь за ним снова начинались курганы. Во время своих исследований Танто избегал подходить слишком близко к этой стороне холма, так как был непривычен к подобному ландшафту, да и, будучи однообразным, тот не пробуждал в нем любопытства. Но теперь, увидев все сверху в ином ракурсе, мальчик заметил в траве круги и овалы, выделявшиеся в основной массе растительности своим чуть более светлым оттенком.

Он спустился, преодолев большую часть склона, чтобы рассмотреть все повнимательнее. Эти цветные пятна на восточной стороне громадной насыпи образовывали длинную арку, охватывающую основание, подобно жемчужному ожерелью на шее какой-нибудь принцессы

Дара в историях, которые рассказывала им с братом мама. Одно из пятен особенно привлекло внимание Танто. Оно было больше остальных, шагов сто в диаметре, да и травы, которой оно поросло, мальчик никогда прежде не встречал. В свете солнца ее широкие округлые стебли колыхались, словно бы плыли по волнам. А еще здесь ощущался непривычный запах – сладковатый и гниlostный одновременно. От этого смрада в животе у Танто сразу забурчало, а к горлу подкатила тошнота.

Заинтригованный, мальчишка подобрался ближе, цепляясь руками и ногами, чтобы не скатиться по крутому склону. Загадочное пятно было уже совсем рядом. Здесь запах ощущался еще сильнее. Танто стал осторожно спускаться, не отрывая глаз от пятна. Да, сомнений не было – трава там колыхалась.

Вдруг из пятна выпорхнула птица и с сердитым чириканьем, взмахивая трепещущими радужными крыльями, устремилась прямо в лицо мальчику. Он инстинктивно вскинул руки, защищаясь, и перенес весь вес тела на ноги. Камешек, на который опиралась его правая ступня, не выдержал, и Танто заскользил вниз по склону.

Птица норовила клюнуть его в лицо и громко верещала, хлопая крыльями. Танто отчаянно старался найти опору. Он цеплялся за траву, целыми пучками выдирая ее из земли, рани ладони острыми стеблями и морщась от боли. Но, увы, все попытки замедлить спуск были тщетными. Он в растерянности перекатился: раз, другой, третий, – а потом достиг зеленого пятна.

Округлые стебли расступились, словно бы распахнулась пасть некоего чудовища, и мальчик исчез в его зеве, не успев даже вскрикнуть.

Поросшая травой степь, раскинувшаяся в некоторых местах между огромными курганами Города Призраков, была непривычна для Танто, родившегося и выросшего в долине Кири. Но племена, вечно кочевавшие на спинах гаринафинов из одного конца Укью-Гондэ в другой, сразу опознали бы в этой местности уменьшенную версию травяного моря.

В некоторых степных районах, где условия оказывались особенно благоприятными, обычная скудная растительность вроде низких колючих кустарников и кактусов уступала место сочной зеленой траве, столь высоко ценимым кочевниками пастбищам. Иные из наиболее крупных таких областей тянулись на сотни миль в каждом направлении. Когда стоишь посреди подобного пространства, возникает иллюзия, будто ты находишься в океане: ветер гонит волны из колыхающихся стеблей, а различные оттенки травы, растущей более темными и светлыми полосами, напоминают тени на морской воде.

Хотя покрытая зеленью поверхность и кажется монолитной, под травяным морем картина выглядит столь же сложной и разнообразной, как в морской стихии. Миллионы копыт кочующих коров, туров, муфлонов и овец оставляют вмятины и отпечатки; навозные кучи и обглоданные стервятниками скелеты, возвышающиеся над корнями, подобны мелям и рифам; внезапные наводнения проделывают каналы и русла, быстро затягивающиеся возродившейся травой. Самые ничтожные, локальные изменения высоты грунта ведут, так сказать, к столкновению интересов – целые армии семян и ростков сходятся в бою: каждый из видов борется за право доминировать над ландшафтом и основать свою миниатюрную растительную империю. Умей трава, папоротник, кактус и кустарник говорить и петь, они наверняка сложили бы свой собственный эпос, воспевающий эти великие битвы, сезон за сезоном разыгрывающиеся среди зеленых племен.

Да и спустившись еще ниже под землю, мы столкнемся с неменьшим разнообразием обитателей зеленого моря. В почве, в своих темных пределах, обнаружатся иные существа. Суслики, мыши, кроты и бурундуки выкапывают туннели и прокладывают лабиринты, питаются корешками, клубнями, личинками и червями. Некоторые из них ведут жизнь уединенную, словно рыбы в глубинах моря, а другие объединяются в племена, где существует целая иерар-

хия (вспомним муравьев, воздающих почести своей царице; вот и среди млекопитающих происходит то же самое), и строят подземные города, способные соперничать сложностью с мегаполисами в далеком Дара. Они роют обширные подземные кладовые, где хранятся припасы на долгую зиму, и просторные залы, где короли и королевы возлежат на роскошных подстилках из преющей травы и выслушивают донесения своих облаченных в меховые шубки попискивающих слуг о том, что происходит далеко наверху.

Время от времени эти подземные дворцы обрушиваются под копытами кочующего скота или по вине чрезмерно увлекшихся строителей. Их руины остаются глубокими кратерами среди дерна, такими безмолвными памятниками славы чужой цивилизации. Очередная эпоха заканчивается, и грызуны-подданные уносят монархов прочь, дабы основать новое поселение в другом месте, а дно ям покрывают трава и папоротники. Во время дождей эти полости заполняются, затопливая траву на дне, и мертвая, гниющая растительность образует водонепроницаемый слой, препятствующий впитыванию влаги. Тогда озерца со стоячей водой зарастают водорослями, которые благодаря своему цвету сливаются с окружающей флорой и не выдают своего существования ничем, кроме гнилостного запаха.

Эти потаенные мертвые пруды становятся настоящими ловушками для неосторожных путешественников, пересекающих травяное море. Хотя кочующие стада подчас пользуются ими как поилками, нередко теленок или ягненок, а иной раз и взрослое животное сваливаются туда и тонут. Степняки называют такие озерца в траве водными пузырями, и в некоторых этих пузырях, самых глубоких и широких, за долгие годы существования скапливается множество скелетов.

Скользкие стебли водорослей лезли в рот, ноздри и закрывали Танто глаза, когда он оказался под поверхностью воды.

От мерзкого вкуса холодной жижи его сразу замутило, но мальчик заставил себя сглотнуть, зажмурил глаза и подавил рвотный позыв, понимая, что поддаваться панике нельзя, ибо это означает неизбежную гибель. Он погружался в яму, болтая ногами в надежде нащупать дно или стенки.

«Ничего».

Танто заставил себя открыть глаза и с изумлением обнаружил, что вода вокруг достаточно прозрачная, чтобы видеть. Хотя поверхность затягивали плавучие водоросли, но отмершие ростки давно уже опустились на дно, и вода была чистой. Проходя через зеленые листья наверху, лучи солнца проникали глубоко, озаряя пространство вокруг призрачным, каким-то сверхъестественным сиянием.

«Вверх. Нужно вынырнуть на поверхность».

Не обращая внимания на жжение в легких и забитый скользкой массой рот, мальчик еще сильнее сжал губы и поплыл к зеленому потолку. Танто порадовался, что мама заставила его научиться плавать – то было умение, которым мало кто из агонев, если не считать жителей побережья, мог похвастаться.

Краем глаза он уловил что-то в свете солнечного луча. Сердце екнуло, отказываясь поверить. Но времени исследовать находку не было. Нужно немедленно подняться на поверхность.

Танто отчаянно молотил ногами и руками, тогда как легкие сдавливало все сильнее, а поле зрения сузилось до туннеля с блестящей зеленой пленкой на конце. Как раз в тот момент, когда силы уже закончились, он вырвался на затянутую водорослями поверхность, на яркий солнечный свет.

Мальчик сплюнул жижу и глотнул воздуха, а потом его стошнило. Он подплыл к берегу озерца и ухватился за торчащие корни, отдохнул на плаву, дожидаясь, пока сердце начнет биться ровно, а тело привыкнет к холодной воде. Когда Танто уже приготовился вылезти на

надежный берег, в душе у него зародилось сомнение. Он же видел что-то внизу. Нельзя вот так просто уйти, не выяснив, что именно.

Отвязав висящую на спине котомку, мальчик бросил ее на берег. Без этой обузы двигаться в воде будет легче и быстрее.

Он сделал несколько глубоких вдохов, чтобы подготовиться к погружению, радуясь, что нос не ощущает больше отвратительного смрада. А потом сжал губы, нырнул и поплыл туда, где заметил белый проблеск.

На поверку им оказался человеческий скелет, лежащий на дне озерца в такой позе, как будто он спит. Бледные кости ребер и таза причудливо поблескивали в зеленом свете. Танто подплыл к скелету и решил забрать с собой ребро или руку мертвеца, чтобы подставить их Оку Кудьуфин и освободить таким образом заточенную здесь несчастную душу.

Но, потянувшись к скелету и проведя пальцами по грязи на дне озерца, он нащупал нечто неожиданное. Под тонким слоем ила и гниющих водорослей был камень.

Удивленный, Танто проверил дно. Все оно было вымощено камнем. Выходит, этот водоем был создан не роющимися в земле животными, а человеком?

Мальчик ухватил левую руку скелета и потянул ее. Вместо того чтобы распасться, костяк поднялся со дна целиком. А оказавшись на плаву, замахал конечностями, словно бы в некоем медленном, сонном танце. Танто смотрел как замороженный. Быть может, скелет хочет сказать ему, что предпочитает остаться в колодце?

Танто заметил, что пальцы костяной руки, за которую он тянет, согнуты, все, за исключением указательного, который как раз словно бы на что-то указывал. Мальчик посмотрел в ту сторону и увидел выложенный камнем проем, где покоился скелет. Из проема вылез крабик и тут же юркнул обратно.

Мальчик снова вынырнул, чтобы глотнуть воздуха и решить, как быть дальше. Проем в каменной стене был достаточно велик, чтобы проплыть сквозь него, и вел вглубь кургана.

В древних легендах герои всегда искали знаки. Танто не сомневался, что только что получил таковой.

Следует хотя бы попробовать.

Зажмурив глаза, он взмолился, обращаясь к богам: «Наверх я снова не поднимусь. Если вы хотите, чтобы я нашел оружие, дабы освободить народ агонев, пожалуйста, помогите мне!»

И нырнул.

Протискиваясь через узкий подводный туннель и активно орудуя при этом руками и ногами, Танто скорее полз, чем плыл. Он старался двигаться как можно быстрее, в надежде, что вскоре туннель пойдет вверх.

Доходивший из водного пузыря позади свет стал тускнеть. Мальчик вглядывался в тьму впереди и ничего не видел.

В легких давило ужасно, возникло такое ощущение, будто он вот-вот лопнет. Все тело отчаянно подавало ему сигналы: нужно возвращаться.

Танто остановился и попробовал развернуться, но туннель оказался слишком узким. Пятиться задом? Но это будет слишком медленно. Он не успеет вернуться в пузырь. Он пропал.

Упрямая гордость колыхнулась в сердце. Воин агонев предпочтет погибнуть лицом к врагу. Он поползет дальше, насколько хватит сил, и умрет, сражаясь.

Мальчик еще усерднее заработал локтями и коленями, напевая про себя боевую песню агонев.

Мысли начали путаться. Боль в груди и в горле угнетала его, словно надвигающаяся гроза. «Ну вот и все. Я сделал, что мог».

Танто решил открыть рот и впустить воду в легкие. Он отдал своему делу все силы, но их оказалось слишком мало.

Мальчик перестал бороться и просто поплыл. Он открыл рот и вдруг... почувствовал, как его голова выныривает из воды. Резкий до боли поток живительного воздуха наполнил горло и легкие. Танто закричал от облечения, издав звук, похожий на смех и на рыдание одновременно.

Постепенно глаза привыкли к темноте. Он находился в большой пещере внутри Великого кургана. Над головой мерцали, подобно звездам, крошечные светлые точки. Если они означают потолок пещеры, то она намного просторнее любой другой пещеры, в которой ему доводилось бывать прежде, включая самую большую яму-кладовую в долине Кири, где помещался годовой запас вяленого мяса и прочих продуктов.

Огни наверху отражались в водах мелкого озера, в котором Танто оказался, заставляя его думать, будто он плывет среди звезд.

Даже если вожди Пятой эпохи были людьми порочными, величие места, где они обрели упокоение, вызывало в нем благоговение.

– Спасибо вам, о вожди Пятой эпохи, – прохрипел мальчик. – Не знаю, герои вы или негодяи, но я чувствую себя ничтожно маленьким в вашем присутствии.

Внутреннее пространство кургана оказалось целым лабиринтом ответвляющихся туннелей и таинственных гротов. По большей части Танто бродил в темноте. Развести огонь не представлялось возможным, ибо перед тем, как нырнуть в водный пузырь, он избавился от котомки. Теперь мальчик жалел о своем необдуманном решении. Ведь там хранилась зажигалка, устроенная по принципу действия зубов гаринафина: то было одно из немногих нововведений принцессы Тэры, которые агоны охотно приняли.

Однако небольшие скопления светящихся грибов, растущих на потолке и на стенах, давали немного света. По стенам, выложенным из поросшего мхом камня, сбегали ручейки воды. Танто предположил, что это дождевая вода: она попадает на курган, просачивается через почву и со временем собирается на дне в озеро, через которое он пробрался.

Мальчик понятия не имел, куда нужно идти и что он вообще ищет, но, повинувшись интуиции, на развилке туннелей всегда выбирал тот, который уводил выше. Несколько раз Танто упирался в тупик, где обрушившийся туннель преграждал путь дальше, и вынужден был возвращаться обратно.

Многие из помещений, через которые он брел, были пустыми – или казались таковыми при тусклом свете грибов. Иногда попадались каменные сосуды и полки, но ему было невдомек, для каких целей или обрядов они могли использоваться. В некоторых комнатах обнаруживались лежащие на погребальных носилках скелеты, – вероятно, то были великие воины или вожди. В возбуждении Танто всякий раз бросался к носилкам, но находил рядом с останками только незнакомой формы оружие из кости или камня. Костяное оружие было коротким, изящным и тонким, без всяких тяжелых узлов и острых зубов, к которым он привык. Каменные орудия имели тупые кромки и выглядели очень неуклюжими, и Танто сложно было представить, как такими можно успешно сражаться.

Не желая бросать оружие, не испытав его получше, он брал некоторые из костяных орудий и подбрасывал в воздух, ожидая, что сейчас блеснет молния или ударит гром. Но предметы были такими древними, что зачастую рассыпались в руках, стоило лишь только к ним прикоснуться.

Чувствуя голод, мальчик решил пойти назад, пока не окажется в той пещере, через которую вошел внутрь, и выплыть обратно. Теперь он знал путь в курган и мог возвратиться сюда, получше подготовившись, с запасом провизии. Всегда выбирая на развилках уходящее вниз ответвление, Танто вернулся в большую пещеру с озером на дне. Сделав несколько глубоких вдохов и внутренне настроившись на холод, он нырнул, отыскивая проход, который должен был вывести его к водному пузырю снаружи.

Спустя примерно час, после бесплодных ныряний и поисков, бедняга лежал, свернувшись в клубочек, на берегу озера и дрожал. Поначалу, вдохновленный находкой, Танто даже и не подумал отметить, где расположен туннель, через который он вошел, и теперь не мог найти его в темной холодной воде. Более того, мальчик не был даже уверен, что это та самая пещера, через которую он сюда попал. Курган был так огромен, что в его основании могло с легкостью поместиться несколько таких пещер.

Запертый в Великом кургане, Танто оказался перед необходимостью как-то добывать еду. Поскольку и Сатаари, и Радзутана предупреждали детей об опасности употреблять в пищу неизвестные грибы, мальчик держался от них подальше. По счастью, озерцо населяли рыбы, чьи тела тоже светились в темноте. Они не отличались бдительностью, поскольку даже и предположить не могли, что окажутся чьей-то добычей. Танто удавалось ловить их при помощи ковши, сделанного из черепа, позаимствованного в одной из комнат. Рыбы были бледные, почти прозрачные и извивались во рту, словно скользкие черви.

Поев, мальчик перестал дрожать и осознал, до какой степени устал. Он лег, говоря себе, что просто ненадолго смежит веки. И уснул еще до того, как полностью закрыл глаза.

Проснувшись, Танто ощутил жар и головокружение. Руки и ноги казались тяжелыми, суставы ломило. На глаза навернулись слезы. Он заблудился и не сумел толком позаботиться о себе. Невероятная тоска по маме с папой охватила сердце мальчугана, он плакал и улыбался поочередно, представляя, как будут ругать его родители за глупую затею, а потом обнимут сына и все исправят.

Бедняга так ослаб, что бегство из рукотворной горы сделалось для него еще менее достижимой целью. Потерявшийся и оробевший, Танто принялся бесцельно бродить по туннелям. Какие-то невидимые создания бросались прочь при приближении человека, а иногда он чувствовал, как что-то скользкое касается его ног, заставляя отпрыгивать в сторону и испуганно вскрикивать. Из темноты тут и там смотрели пары горящих глаз, и, хотя мальчик старался стоять неподвижно, чтобы подкараулить и схватить этих существ, они неизменно уклонялись и исчезали, стоило лишь ему сдвинуться с места.

Во рту пересохло. Танто подошел к стене и, забыв об опасности, принялся слизывать воду, которая текла между светящимися грибами. Вкус был одновременно горький и сладкий, язык пощипывало.

Когда его обурежала усталость, он засыпал, а проснувшись, снова бродил туда-сюда. Время утратило смысл, Танто старался заглушать вечно донимающий его голод, поглощая оторванные от стены кусочки едкого мха. Иногда он, похоже, засыпал прямо на ногах и в своих галлюцинациях, длившихся, может быть, минуты, а может быть, часы, переносился в долину Кири или в поселок близ Татен-рио-алвово.

Внезапно видения прекратились. Мальчик облизал потрескавшиеся губы и утер со лба горячий пот. Он находился в большой пещере, возможно даже еще более просторной, чем та, через которую попал в курган. Все ее стены тускло светились, словно поверхность луны, светом более ярким, чем ему доводилось видеть где-нибудь в туннелях. На возвышенной платформе впереди Танто разглядел два покоящихся там скелета.

Он добрал до помоста. Скелеты были высокие, широкоплечие и уложены валетом – так, что ноги одного находились напротив головы другого. Вокруг них располагались все те же образчики странного и бесполезного оружия, на которые Танто уже вволю насмотрелся. Правда, с этими предметами вооружения было что-то не так.

«Длиннее они, что ли? Нужно посмотреть поближе...»

Внезапно раздался какой-то громкий гул, заставивший его подпрыгнуть. Мальчик сжался, зажмурился и заскулил, ожидая, что сейчас заточенные в этом лишенном солнечного света кургане духи жестоко покарают его за то, что он вторгся в их загробную жизнь.

Когда спустя какое-то время ничего больше не произошло, Танто боязливо открыл глаза. Он исследовал подножие помоста и вскоре обнаружил причину недавнего шума. Вокруг помоста были рядами расставлены цилиндрические сосуды, и при своем неосторожном приближении он разбил несколько из них. Сделаны были они не из черепов, по обычаю степных народов, но из обожженной глины. С колотящимся сердцем мальчик потянулся к разбитым емкостям в надежде, что в них хранились некие магические предметы. Дрожащие пальцы крепко сжали находку.

Не способный четко видеть, Танто поднес руки к лицу, раскрыл ладони, понюхал содержимое глиняных сосудов и коснулся его кончиком языка.

«Семена или высохшая скорлупа».

Голод зарокотал в животе, пробудившись к жизни, как раздуваемый ветром костер. Челюсти свело, и десны резанула боль, когда зубы раздавили твердую скорлупу. Жуткий, мерзкий вкус наполнил рот: то ли от крови, то ли от содержимого скорлупы – трудно было понять.

Мальчик опустил руки и горько заплакал. Горячка и слабость усиливались, у него не осталось больше сил для поисков и исследований. Получается, он подверг риску свою жизнь ради ерунды. Нет здесь никакого магического оружия, при помощи которого можно было бы разгромить львуку и отомстить за родителей. Он не Афир и не Кикисаво. После всего, через что ему довелось пройти, боги не сочли его достойным.

Танто улегся рядом со скелетами и закрыл глаза. Ему подумалось, что в далеком будущем, когда другие исследовали проникнут в запретные земли и найдут маленький скелет близ двух огромных, они наверняка подумают, что это один из слуг великих вождей Пятой эпохи.

Что ж, быть по ошибке принятым за героя – не самый скверный исход, пусть даже он умрет и не под Оком Кудьюфин.

Мальчик закрыл глаза и провалился в глубокий сон, от которого, как он знал, ему уже не очнуться.

Глава 6

То, что нельзя услышать

Горы Края Света, восьмой месяц девятого года после отбытия принцессы Тэры в Укью-Гондэ (за девять месяцев до предполагаемого отправления новой флотилии льюку к берегам Дара)

Ранения Тэры оказались сравнительно легкими. Саблезубый тигр лишь немного поцарапал ее когтями, оставив на руке четыре уродливые полосы. Благодаря снадобьям Адьулেক и заботе Торью принцесса быстро поправлялась.

– Саблезубый тигр известен своим умением заволакивать жертв безмолвным ревом, – пояснил Таквал. – Самцы, охотящиеся в одиночку, отлично лазают по горам. Это моя вина: я недостаточно хорошо разведал местность.

– Откуда ты узнал, что со мной беда? – спросила Тэра.

– Га-ал позвал нас. Гаринафины могут слышать друг друга на большом расстоянии, хотя мы не всегда способны уловить издаваемые ими урчания и крики.

Тэре вспомнилось, как забеспокоились гаринафины в лагере в долине Кири как раз перед нападением Кудью, притом что никто из людей ничего не слышал. Мир полон чудес.

Обеспокоенный тем, что отчаянный зов Га-ала мог быть услышан преследователями льюку, все еще находящимися где-то поблизости, Таквал усилил дозоры на окружающих пиках. К счастью, никаких признаков погони со стороны льюку снова не обнаружилось.

Как бы ни старались Таквал и Типо То укрепить дисциплину, однако пребывание на одном месте неизбежно вело к постепенному ослаблению бдительности часовых. Переход на новую стоянку был, очевидно, разумным решением. Но беглецы не горели желанием уходить отсюда, полюбив эту так долго служившую им приютом долину. После долгих споров Таквал и Тэра решили, что рискнут остаться здесь до возвращения Аратена.

– Он столько претерпел, чтобы найти нас, – сказала принцесса. – Мы должны дождаться его.

Поправляясь, Тэра обсуждала с Сами Фитадапу удивительный опыт, который она пережила при встрече с саблезубым тигром.

– Истории про неслышимые звуки, которые способны издавать только животные, известны и в Дара, – промолвила ученая. – К примеру, охотники на острове Экофи утверждают, что слоны могут тайно переговариваться друг с другом на больших расстояниях, однако даже самое чуткое человеческое ухо не в состоянии ничего уловить.

– Но могут ли эти неслышимые звуки каким-то образом... воздействовать на людей? – поинтересовалась Тэра.

Сами задумалась.

– Некоторые ныряльщики за жемчугом на Волчьей Лапе рассказывали мне, что, погружаясь в море вблизи от гигантских китов, испытывали иногда ощущение присутствия Тацзу – ими внезапно овладевали апатия и усталость, как если бы исполинская рука схватила их под водой. Это очень опасно. Они настаивали, что песен китов при этом не слышали.

«Любопытно... Как там любили повторять Дзоми и Луан Цзиаджи? „Вселенная познаваема“».

– Давай-ка займемся этим, – предложила Тэра. – Я чувствую, что здесь кроется некая тайна... разгадка которой может нам помочь.

Сами и Тэра расспрашивали Таквала и других агонев, дабы узнать побольше историй о загадочных переговорах гаринафинов на больших расстояниях, о степных мышах и луннош-курых крысах, удирающих подальше от морского побережья за несколько часов до того, как нахлынет волна цунами, об охотниках, павших жертвой безмолвного рева саблезубого тигра.

Но истории остаются всего лишь историями. Не в силах Сами было вызвать землетрясение или цунами и понаблюдать за реакцией животных, да и попросить поймать саблезубого тигра для дальнейших с ним экспериментов она тоже не могла. Гаринафины представлялись идеальным объектом для научных изысканий, но, сколько бы ученая ни пыталась, ей так и не удалось понять, когда же они поют неслышимую песню. Сами использовала целую серию усиливающих звук приспособлений: эхо-камеры в основании утесов, увеличенных размеров рупоры и даже совершенно темную и тихую пещеру, куда заманила Алкира... Но так и не могла с уверенностью сказать, что хоть раз услышала нечто *неслышимое* при иных обстоятельствах.

– Если бы существовал способ сделать звук видимым, – сокрушалась Сами. – Вот бы найти возможность слышать то, чего не слышно, и видеть то, чего не видно.

Когда Сами ушла, Тэра долго размышляла над этим ее замечанием.

Принцессе подумалось, что они избрали для решения загадки ошибочный путь. Подобно Дзоми и Луану Цзиаджи, молодая ученая старалась объяснить мир, не допуская существования в нем сверхъестественного. К тому же стремилась и сама Тэра. Тем не менее недавно на горном уступе она действительно пережила нечто необычное, и невозможно было забыть то невероятное ощущение, словно бы тебя окутывает некая мистическая субстанция, удивительное чувство принадлежности к степному миру агонев, полного растворения в нем и участия в великом повествовательном танце в присутствии неких высших существ.

«Познаваема ли вселенная? – размышляла Тэра. – Даже если можно с математической точностью описать каждый удар сердца и каждый наш вздох, идеально воспроизвести при помощи хитроумного приспособления, как в затемненной комнате Фары, любую морщинку и любую складку, не упустить из внимания ни единого звука из лепета или воркования, – достаточно ли этого, чтобы исследовать радость, которую я испытала, когда в первый раз взяла на руки Кунило-тику или Джиана-тику? Способен ли тот, кто слышал каждый шепот, заметил каждый смущенный взгляд, прочел все написанные сердцем письма и внимал всем потаенным молитвам, видел каждый жаркий поцелуй и трепетную ласку, объяснить в конце концов саму природу любви, связывающей меня с Дзоми и Таквалом?»

Есть вещи, которые нельзя увидеть, голоса, которые нельзя услышать, истина, которую нельзя познать, а можно только *прочувствовать*.

Возможно ли стремиться к познанию вселенной, одновременно веря в сверхъестественные таинства?»

Тэра пыталась понять, хватит ли ей храбрости держать свое сердце пустым, открыться возможностям, целиком погрузиться в каноны, согласно которым живет ее вновь приобретенная родина.

Поутру она пошла к Адьулук, старой шаманке, и обратилась к ней:

– Голос Пра-Матери, можешь ли ты обучить меня вашим таинствам?

Шаманка настороженно посмотрела на нее. Принцесса никогда не производила на Адьулук впечатление особы религиозной или благочестивой, да и интереса к мистическим практикам агонев она тоже сроду не проявляла.

Но Тэра подробно описала ей, что пережила на горном уступе при столкновении с саблезубым тигром, и заключила:

– Я уверена, что ощутила тогда присутствие богов.

– Возможно ли, – пробормотала старуха-шаманка, – чтобы принцесса Дара сделала первые шаги к тому, чтобы почитать наших богов и бояться их? – Она немного помолчала, а затем покачала головой. – Наши мистерии... они предназначены лишь для детей Афир.

– Но я ведь вышла замуж за агона, – заявила Тэра. – Разве не в обычае степняков принимать в племя чужака, который желает быть одним из вас? Не откажут же мне боги только из-за того, что я не родилась дочерью Афир, а стану таковой?

Шаманка долго смотрела не Тэру, а потом, с едва заметным намеком на улыбку на губах, кивнула и протянула ей руку.

Аратен вернулся с еще более удручающими новостями.

– Говорят, что собранные Кудью ученые умы еще сильнее сузили временной промежуток, пытаясь определить дату открытия очередного прохода в Стене Бурь, – сообщил он.

– И какова же их последняя догадка? – спросила Тэра.

– Шаманы и гадалы разделились на три партии. Первая полагает, что Стена Бурь откроется в последнюю луну следующего лета, ближе к осени.

Принцесса кивнула. Это было позже настоящей даты открытия прохода, которую знали только они с Таквалом. Она внимательно смотрела в глаза Аратену:

– Продолжай.

– Вторая партия считает, что это произойдет как раз осенью.

Тэра снова кивнула. Этот прогноз был еще более неправильным. Если все три группы мудрецов сделают ставку на вторую половину следующего года, то, может, ей и беспокоиться не о чем. Если Кудью станет планировать новое вторжение, основываясь на этих ошибочных расчетах, его флотилия прибудет к месту спустя много времени после того, как проход в Стене Бурь закроется.

– А вот последняя группа думает, что открытие произойдет ближе к концу весны, скорее всего в первую луну лета.

У Тэры упало сердце. Если Кудью предпочтет поверить третьей партии, его экспедиция вполне может увенчаться успехом. Чтобы успеть к открытию прохода в Стене Бурь, пэкью следует отправить флот уже через десять месяцев, а это означает, что у нее почти нет времени, чтобы его остановить.

– Известно ли тебе, какая из партий пользуется наибольшей поддержкой?

Аратен словно бы немного стушевался под ее пристальным взглядом:

– Нет... я не знаю этого.

У Тэры голова шла кругом. Ей сложно было понять, как вообще могут возникать различные противоборствующие партии, когда дело касается математических расчетов. Единственным разумным объяснением могло служить то, что подданные Кудью рассматривают эту проблему не как чисто научную, а потому при обсуждении в расчет принимаются доводы, знания, предсказания и суеверия. Это давало ей шанс: уверенность тех, кто пытается истолковать необъяснимое, можно поколебать.

– Скажи, а существует ли для нас возможность посеять среди льюку слухи, которые склонят мнения «экспертов» в ту или иную сторону? – поинтересовалась она.

Аратен задумался:

– Я могу вернуться в Укью-Гондэ и попробовать выяснить. Но к которой из дат должны подталкивать слухи?

– Следует ориентироваться на как можно более позднюю. Третьей из упомянутых тобой партий нельзя дать победить в споре.

На лице Аратена появилось достаточно противоречивое выражение, в котором недовольство смешивалось с другими эмоциями, как радостными, так и не очень.

Тэра чувствовала себя просто ужасно. Старого воина наверняка страшит перспектива снова подвергаться опасности. Ему явно не хочется возвращаться обратно.

– Пожалуйста! – взмолилась она. – Это жизненно важно, как для дара, так и для агонив!

Аратен кивнул:

– Я понимаю, принцесса.

– И вот еще что... если возможно, попытайся разузнать побольше про пэкью-тааса и других детей.

– Хорошо, принцесса.

На этот раз Аратен выразил желание взять с собой воинов, которых привел к Таквалу, а заодно и Га-ала.

– Чем больше языков, тем скорее расходятся слухи, – заявил старый тан. – А Га-ал поможет нам перемещаться быстрее и дальше.

Однако Таквалу такой план совсем не нравился. Отправление Аратена обратно в Укьу-Гондэ в качестве шпиона и сеятеля слухов означало, что их отряду и дальше придется оставаться в долине, дожидаясь его возвращения. Хотя Аратен заверял, что Кудьбу сейчас поглощен загадкой открытия нового прохода в Стене Бурь и мало кто из льюку заинтересован в поимке беглецов, Таквал чувствовал себя обязанным свести риск к минимуму.

– Если ты со своей группой намерен и дальше выдавать себя за танто-лью-наро, вы будете выглядеть более убедительно, не имея при себе гаринафина. Не стоит лишний раз испытывать судьбу. Исполните просьбу Тэры и возвращайтесь как можно скорее.

Аратену пришлось согласиться с пэкью, признав, что тот говорит дело.

Ну а Тэра порадовалась, что Га-ал остался: ей доставляло удовольствие учиться летать на нем.

В общем, старый тан агонев и его воины покинули потаенную долину, пообещав вернуться к концу следующего месяца.

В ожидании Аратена Тэра продолжала изучать под руководством Адьюлек религиозные мистерии агонев, а также исследовать вместе с Сами и Торью природу неслышимых звуков.

Принцесса поделилась с молодой ученой историей из своего детства, когда ей довелось стать свидетельницей того, как колебания металлических пластин моафы становились видимыми благодаря сетке линий на шелковом экране.

– Это справедливо и по отношению к струнам цитры, – заметила Сами.

– Все ли звуки проистекают от вибраций некоего посредника? – спросила Торью.

Сами призадумалась:

– Любопытная теория... Она определенно выглядит справедливой по отношению к музыкальным инструментам. Эх, жаль здесь нет Радзутаны: он наверняка вспомнил бы какую-нибудь забытую отсылку к одному из древних томов...

– Забудь про древние тома, – вздохнула Тэра. – Мы здесь сами по себе. Давай будем исходить из моей теории, которая заключается в том, что даже неслышимые звуки тоже являются вибрацией. В таком случае для изучения неуловимых звуков следует постараться не *услышать* их, а *почувствовать*.

Сами явно удивилась. Потом хмыкнула:

– Это вроде как ощутить вибрацию грунта во время повествовательного танца? Спасибо, принцесса! Теперь, стоило вам лишь высказать предположение, это кажется таким очевидным.

– Подчас простой булыжник оказывается необходимым, чтобы замостить дорогу к руднику драгоценного нефрита, – промолвила Тэра.

– Ложная скромность ни к чему, принцесса, – возразила Сами. – Когда человек одержим какой-то проблемой, возникает тенденция идти по найденной тропе, которая ведет в никуда. Мне требовался свежий взгляд, чтобы выскочить из своей колеи.

– Пока это идет на пользу общему делу, – проговорила Тэра со смехом, – я не стесняюсь озвучивать свои мнения, какими бы дурацкими они ни выглядели.

Придав своим изысканием новое направление, Сами и Тэра задумали еще один эксперимент.

Они нашли в долине место, где дорога резко сворачивала. Га-ала, за которым наблюдали Тэра и Торью, поставили с одной стороны, а Алкира под присмотром Сами – с другой. Женщины предложили гаринафинам сыграть в игру и объяснили правила: сначала Га-ал будет

издавать звуки, а Алкир повторять их, а потом наоборот. За это обоим крылатым скакунам полагалась награда – кисловатые плоды дикой яблони, которые очень нравились животным.

Га-ал и Алкир, несмотря на разницу в возрасте и на то, что были по-разному воспитаны льуку и агонами, определенно прониклись сильной взаимной симпатией. Тэра находила это вполне естественным. Чему удивляться, ведь они тут совсем одни, отлучены от себе подобных: в таких обстоятельствах невольно потянешься к сородичу.

Через некоторое время исследовательницы изменили правила игры. Теперь для того, чтобы получить лакомство, каждый зверь должен был не повторять звуки, воспроизведенные его товарищем, но самостоятельно «изобретать» новые. К некоторому удивлению Тэры, у гаринафинов обнаружился весьма обширный вокальный репертуар, включавший в себя стоны, мычание, визг, ворчание, фыркание, всхлипывание, крики, трубный зов, рев и так далее. Здесь вновь неопределимую роль сыграл талант Торьо к языкам. Хотя ей не удавалась с абсолютной точностью подражать издаваемым животными звукам, она запоминала их и могла с уверенностью сказать, если какой-либо из них повторялся. Выступая таким образом в качестве звуковой «записной книжки», Торьо следила за тем, чтобы игра велась честно.

Потребовался не один сеанс, прежде чем гаринафины исчерпали наконец весь свой репертуар и начали повторяться. Тэра и Сами были непреклонны и отказывались давать им награду, и тогда Алкир и Га-ал стали пробовать все более необычные вокальные партии.

Наконец наступил момент, когда Га-ал вытянул шею и напряженно уставился куда-то вдаль. Спустя несколько секунд молчания он изогнул шею и выжидающе посмотрел на Тэру и Торьо.

– Га-ал только что сделал это! – крикнула Тэра Сами, стоящей за поворотом. – Ты слышала что-нибудь?

– Нет, – отозвалась Сами. – Но Алкир вскинулся в ответ, и вид у него был такой, будто он что-то говорил. Но я не уловила ни звука. Эге, да он смотрит на меня так, словно бы я ему задолжала.

Тэра снова обратилась к Га-алу:

– Можешь повторить? То же самое, что ты только что сделал.

Га-ал непонимающе уставился на нее. Принцесса в растерянности повернулась к Торьо:

– Можешь ему объяснить?

Торьо покачала головой:

– Я не умею говорить по-гаринафины.

– Как нам добиться, чтобы они сделали это снова? – В голосе Сами звучала обеспокоенность. – Я не успела пощупать горло Алкира.

Тэра застонала от досады. Они так настойчиво добивались от гаринафинов, чтобы те не повторяли произнесенные ранее звуки, что не предусмотрели никакого способа заставить их снова исполнить желанную «немую» вокализацию.

– Погодите-ка! – У принцессы блеснули глаза. – У меня есть идея.

Она щелкнула пальцами и указала на свои колени, давая Га-алу команду положить голову на землю рядом с плечом, чтобы она могла на него взобраться. Зверь подчинился, и Тэра вскарабкалась ему на спину.

– Пэте-пэте! – произнесла она, отдавая боевому гаринафину приказ повторить последний проделанный им маневр.

Га-ал, повернув рогатую голову, недоуменно воззрился на нее.

– Пэте-пэте! – снова сказала женщина.

Га-ал вытянул шею и напряженно уставился в пространство.

– Йе-хо! – победно вскричала Тэра, вспомнив, как в юности работала скотницей на ферме у бабушки в Фасе.

– Алкир тоже это делает! – сообщила Сами. – Заставляйте их продолжать, а я лезу наверх.

Га-ал посмотрел на Тэру. Та сделала Торьо знак бросить животному в награду яблочко.
– Йе-хо! – опять вскричала принцесса, преисполнившись энтузиазма.

Га-ал вновь вытянул шею и уставился в пространство. Очевидно, он стал воспринимать «Йе-хо» как новую команду.

Тэра бережно поместила ладонь на шею гаринафина. Лицо ее озарилось.

– Йе-хо! Торьо, Сами! Вы это чувствуете?

– Чувствую! Шея Алкира дрожит! Он определенно слышит зов Га-ала и повторяет его, хотя я ничего не слышу.

– Да, верно! Я тоже ощущаю вибрацию!

Это походило на мурлыканье кота. Причем кота очень большого и довольного.

Тэра склонилась к шее Га-ала и обхватила его руками. Она расслабилась, стараясь, чтобы как можно большая площадь ее тела соприкасалась со шкурой гаринафина. Сердцебиение принцессы замедлилось. Глубинная пульсация неслышимой песни наполняла ее всю чувством невероятного покоя, как если бы она лежала на ладони некоей любящей сущности, способной защитить от любого вреда...

– Очнитесь, принцесса! Очнитесь!

Обеспокоенные крики Торьо вернули ее к реальности. Тэра судорожно задышала, как если бы вынырнула из воды.

– Со мной все хорошо, – заверила она молодую женщину. – Мне просто нужно немного времени.

«Неужели именно таким образом саблезубый тигр завораживает жертву? – размышляла она. – Способен ли неслышимый звук настолько глубоко затронуть душу, что рассудок погружается в сон? В таком случае я пережила вовсе не встречу с божественным, а только иллюзию оной».

Тэру захлестнула волна разочарования.

Получается, что все это – величественная привольная страна под неохватным небом, воздух, напоенный тайной, танцующие смерчи, которые рассказывали истории из прошлого и будущего, – было не настоящим переживанием, а всего лишь причудливой реакцией разума и тела. Осознание этого наполнило ее сердце свинцовой тяжестью, горьким пеплом отозвалось во рту.

– Ах, как чудесно! – воскликнула вдруг Торьо. – Вот так красота!

Тэра посмотрела в том направлении, куда указывала ее помощница, и увидела, что Сами идет к ним, ведя за собой Алкира. До этого оба явно шли под деревьями, с листьев которых падала вода, и слегка промокли. Приблизившись, они тряхнули головами, сбрасывая капли. Те блеснули на солнце, заискрившись, словно золотые звездочки. Казалось, что рога Алкира были усеяны бриллиантами, а на Сами красовалась жемчужная корона.

Принцесса смотрела на них как заворуженная.

Дивное зрелище пробудило в памяти другие образы. Вот Дзоми возле препарированной туши гаринафина объясняет Тэре удивительные особенности анатомии огнедышащего зверя; Таквал стоит рядом с Алкиром и учит жену, как надо взбираться наверх; Кунило-тика и Джиан-тика застыли у самодвижущегося арукуро токуа в виде зверя, гордые своим достижением; отец в дворцовом саду указывает на живую карту Дара и вспоминает о путешествии на спине крубена; мать и она сама, еще маленькая девочка, идут по лабиринту из кустарника, а консорт Рисана ткет из тумана и дыма чудовищ, чтобы напугать и развлечь ее...

«Упоение красотой и любовная истома тоже суть умственные удовольствия, оторванные от чувств, – размышляла Тэра. – Всего лишь реакции человеческой психики. Однако это не означает, что они не реальны, что они не описывают некую глубокую истину.

Знание того, что гаринафин использует для огненного дыхания ферментированный газ, лишь усиливает эффект от зрелища, благодаря пониманию механизма. Знание того, что чудо-

вища созданы дымной магией, лишь подстегивает желание пережить острые ощущения и нисколько не мешает воздать должное мастерству иллюзиониста. Знание того, что легенда являет собой несколько иной взгляд на реальность, питает восхищение слушателей искусством рассказчика. Когда ты понимаешь, что красота, изящество и очарование человека коренятся в плоти, становится еще интереснее искать в его привлекательности отражение невидимой души, слышать эхо неслышного духа, угадывать следы того, что не подвержено разложению.

Кто станет утверждать, что божественное нельзя испытать через посредство мирского, что таинственность не основана также и на познаваемом? Мертвого гаринафина можно препарировать, но живой не становится от этого менее впечатляющим. Рыбу можно взвесить, но танец дирана по-прежнему остается неопишным зрелищем».

– ...это волна звука, в которой вибрации так разделены, что не воспринимаются человеческим слухом. Тем не менее она обладает силой, способной воздействовать на наше тело, почти как колебания земли, – закончила Сами свою лекцию.

– Получается, мы слышали то, что нельзя услышать, – промолвила ошеломленная Торьо.

– Еще одна тайна раскрыта, – заявила Сами с удовлетворенным вздохом. – Нет нужды вдаваться в мистицизм: вселенная познаваема.

– Иные тайны становятся лишь еще более величественными после того как их раскроешь, – сказала Тэра, загадочно улыбнувшись.

Стремись отыскать чудо, ибо это единственное, что действительно представляет интерес в нашем мире.

Тэра, Сами и Торьо возвратились к Таквалу и доложили ему о своих открытиях.

– Да мы всегда знали, что гаринафины способны общаться друг с другом подобным образом, – заметил тот, не понимая, почему все три женщины пребывают в таком возбуждении.

– Да, но вы не могли объяснить, как это происходит, – горячо возразила ему Тэра.

– Что толку обсуждать это? – буркнул Таквал. – Что нам делать с зовом, который мы не способны услышать? Иногда какой-нибудь особо вредный гаринафин безмолвно, чтобы не заметили наставники, обращается к другим зверям, желая подбить их на бунт. Это плохая привычка, от которой мы всячески отучаем зверей, пока они еще юные.

– Но разве ты не понимаешь, что, если гаринафины способны издавать неслышимые для человеческого уха звуки, то это могут делать также и саблезубые тигры. И может быть, их безмолвный рев на самом деле...

Тэра не договорила. Слишком мало она во всем этом понимала, чтобы выдвигать умозрительные теории. Тем не менее ее чрезвычайно радовало, что она, Сами и Торьо сумели своими силами обнаружить таинственный механизм, объясняющий поведение гаринафинов. Теперь, когда принцесса Дара разгадала эту загадку, новая родина стала для нее еще чуточку более близкой и понятной.

Таквал так до конца и не уразумел, с чего вдруг этой неугомонной троице понадобилось тратить столько сил, выясняя заново то, что и так уже давным-давно всем известно. Однако им удалось научить гаринафинов издавать по команде неслышимые звуки, а это могло оказаться полезным. Он знал, что неслышимые звуки способны разноситься на большое расстояние и в дикой природе гаринафины частенько переговариваются таким образом, особенно когда ландшафт или дистанция делают обычное общение бесполезным. Теперь, даже если их отряд разделится на две группы, можно будет обмениваться сообщениями на большом расстоянии.

Когда он объяснил эту идею другим воинам-агонам, те оценили ее по достоинству, хотя и удивились. Надо же, они-то думали, что принцесса и ученая из Дара от нечего делать развлекаются пустыми экспериментами, однако оказалось, что те на самом деле придумали новый способ использовать возможности гаринафинов.

Глава 7

Раскрашенные стены

Татен-рио-алвово, восьмой месяц девятого года после отбытия принцессы Тэры в Укью-Гондэ (за девять месяцев до предполагаемого отправления новой флотилии льюку к берегам Дара)

Вода. Холодная пресная вода. Танто сделал жадный глоток.

Жажда отступила, а желудок резко свело от голода. Он застонал.

И почувствовал во рту что-то пряное, соленое и теплое.

«Быть может, это мой язык».

Ему было все равно. Даже если это его язык, он настолько голоден, что съест и его. Танто куснул, заранее приготовившись к невыносимой боли. Но боли не было: похоже, это самая обычная пища, дарующая человеку силы. То, чего он так долго был лишен. Мальчик почувствовал, как жизнь снова вливается в него.

Танто осторожно пожевал еще. И опять все было нормально, никакой боли. Он стал жевать быстрее и усерднее.

«Я и понятия не имел, что после смерти тоже едят жареное мясо».

Он сглотнул.

– Вот и хорошо. Тебе нужно есть и пить, – произнес чей-то голос, говоривший на дара, языке его матери.

Танто открыл глаза.

«Какой ослепительно-яркий свет. Хотя тому, кто слишком долго пробыл в темноте, даже свет сального факела режет глаза».

Преодолевая боль, он заставил себя смотреть и был вознагражден, узрев лицо Радзутаны.

– Ты... тоже умер? – спросил Танто.

– Еще чего не хватало, – ответил ученый. – В отличие от одного знакомого мне пэкьютааса, я не придерживаюсь агонской философии и не имею привычки опрометью кидаться навстречу верной смерти. Если есть хоть тонюсенькая соломинка, обещающая надежду выжить, например увернуться из-под лап взбесившегося гаринафина, я тут же за нее хватаюсь.

Мальчик рассмеялся и попытался сесть. На него накатила волна тошноты, в глазах потемнело.

– Эй, полегче. Разве можно так дергаться? – укорил его Радзутана, поддерживая за плечи. – Ты сильно обезвожен, да и лихорадка тоже не шутка. Слушай свое тело.

Танто расслабился и позволил снова уложить себя. Радзутана подsunул ему что-то под голову, так что мальчик отчасти мог видеть, что происходит вокруг, лежа при этом на спине. Он заметил вдалеке круг яркого света, медленно перемещающийся вдоль большого зала. В круге света проступила шагающая фигура. Сатаари.

– Вы пришли за мной?

Разделяя мясо на кусочки и отправляя их Танто в рот, чередуя пищу с глотками воды из меха, ученый рассказал мальчику, как все было.

Обнаружив, что Танто исчез из лагеря, Сатаари и Радзутана были вне себя от беспокойства. Они обыскали все вдоль и поперек, опасаясь, что он свалился в яму с отходами или стал жертвой какого-нибудь хищника, хотя прежде те никогда не нападали на лагерь.

Подозрение закралось в их души, когда они заметили, что Рокири скорее взволнован, чем обеспокоен исчезновением брата. Но ни лаской, ни угрозами они так ничего из него и не вытянули – Рокири клялся, что ничего не знает.

Тогда Сатаари решила зайти с другой стороны.

– Должно быть, юный пэкью-тааса так сильно испугался льюку... – со вздохом промолвила она.

Радзутана подхватил игру:

– Ты же не считаешь, что... Ах, даже подумать страшно... – Он заломил руки.

Сатаари грустно кивнула:

– Увы, боюсь, что...

– Кто бы мог подумать, что мальчик настолько лишен храбрости! Как мы сможем теперь смотреть в глаза пэкью и принцессе, когда встретимся с ними снова?

– Вот именно. Мне так стыдно за него!

Рокири попался на удочку и спросил:

– О чем вы говорите? Что, по-вашему, случилось с Танто?

– Ну разве это не очевидно? – задал встречный вопрос Радзутана. – Танто утратил волю сражаться.

– Твой брат... – Сатаари сглотнула, как будто слова, которые предстояло произнести, причиняли ей боль. – Он решил сбежать с солончаков и сдаться на милость льюку.

Тут уж Рокири не выдержал. Взревев от ярости, малыш накинулся на шаманку и ученого, молотя кулаками и требуя, чтобы они забрали назад свои гадкие обвинения в адрес брата. Заливаясь слезами, мальчик раскрыл тайный план Танто исследовать Курганы, добыть там волшебное оружие, разбить льюку и спасти родителей.

Далее последовали жаркие споры насчет того, что делать. Радзутана предлагал пойти в Курганы на поиски Танто. Сатаари решительно возражала. Однако ученый стоял на своем, напоирая на то, что боги не покарают его за вторжение на запретную территорию ради спасения ребенка, решившего уподобиться не кому-нибудь, а великой Афир.

– С каких это пор ты начал говорить от имени богов? – возмутилась Сатаари. – Богам вряд ли понравится, что ты сравниваешь пэкью-тааса с Афир. Трудно угадать, что у них на уме.

– Тем больше причин идти в Курганы, – настаивал Радзутана. – Вдруг боги хотят, чтобы я вмешался прежде, чем Танто добьется успеха? Если он раздобудет ужасное оружие из Пятой эпохи, боги могут еще более сурово покарать нас за то, что мы вовремя его не остановили.

Сатаари вздохнула:

– У тебя и прочих ученых из Дара воистину раздвоенные языки. Вы всегда сыщете больше одной причины поступать так или иначе, даже вопреки здравому рассудку. И много еще доводов у тебя в запасе?

– Ты права, – признал Радзутана, помедлив. – В конце концов, доводы – это всего лишь рациональные основания, и нет смысла перечислять их сейчас. Все, чего я хочу, – это помочь мальчишке, дерзнувшему откусить кусок больше, чем он способен прожевать, смельчаку, который отважился рискнуть жизнью ради своих родителей, ради нас, ради своего народа. Мне нет дела до того, что думают боги, – я все равно отправляюсь в Курганы.

– Ну ладно, тогда я иду с тобой, – сказала Сатаари. А когда Радзутана удивленно уставился на нее, добавила: – При таком раскладе кому-то все равно придется потом идти, чтобы спасти уже тебя. Поэтому я решила не терять понапрасну времени. Кто-то должен попробовать поговорить с богами, попросить их о снисхождении к твердолобым болванам.

Радзутана мог поклясться всеми богами Дара и Гондэ, что на лице шаманки при этих словах появилась улыбка, а тон ее вдруг ненадолго сделался нежным, прежде чем снова стать деловым.

Когда после ухода Танто прошло два дня, Радзутана и Сатаари отправились на его поиски, строго-настрого наказав детям не покидать лагерь и соблюдать осторожность. Они без труда двигались по оставленному Танто следу и, хотя путешествие заняло много дней, держались у него на хвосте. На самом деле прошло лишь несколько часов после того, как мальчик нырнул

в водный пузырь, когда ученый и шаманка нашли котомку, которую он оставил у основания Великого кургана.

– Но вы ведь оказались здесь в ловушке так же, как и я? Я не смог найти дорогу...

– Не беспокойся. – Радзутана ободряюще положил руку ему на плечо. – На каждом повороте мы составляли указатель из светящихся грибов на стене. Я уже однажды возвращался ко входу, чтобы забрать кое-какие припасы.

Танто стало стыдно, что он сам не додумался до такой простой вещи. Его великое приключение обернулось полным провалом.

– Я пришел сюда искать оружие...

– Знаю, – перебил ученый. – Но твоя главная задача – остаться в живых. Никогда больше не предпринимай таких необдуманных шагов. – Видя сокрушенное выражение на лице мальчика, он смягчился. – Ты проявил невероятную отвагу. Если бы не ты, никто из нас не увидел бы чудеса Города Призраков.

– А что делает Сатаари? – поинтересовался Танто в расчете перевести разговор на другую тему.

– Ты уже достаточно окреп, чтобы ходить? Давай присоединимся к ней.

Мальчик оперся на плечо ученого, и они вдвоем подошли к шаманке, внимательно изучавшей стену перед собой. Не желая отвлекать женщину, они тоже стали рассматривать стену в свете факела, который Сатаари держала в руке.

Стены зала были покрыты рисунками, сделанными красной, желтой и черной красками. Некоторые мазки были явно выполнены веткой или пальцами, другие части изображений наносились разбрызганной изо рта краской при помощи ладони или иного трафарета. Другие фрагменты изображений вывели сажей и копотью, вероятно от такого же факела, что освещал сейчас эту сцену.

Согласно традициям степных народов, нарисованная история обычно начиналась с запада: стороны ночи, тьмы и неведомых тайн. Дает ли им это возможность, находясь в замкнутом пространстве, определить стороны света?

Набив желудок и утолив жажду, Танто обнаружил, что теперь способен думать более ясно, чем прежде. Он оглянулся на лежащие позади него на помосте скелеты. Тела, возлагаемые в степи для пэдиато савага, всегда клали головой на восток, навстречу восходящему солнцу. Что, если построившие Великий курган люди следовали тому же обычаю? Хотя, поскольку усопшие в этой погребальной камере лежали валетом, сориентироваться подобным образом не представлялось возможным.

Погодите-ка! Танто сообразил, что на некотором расстоянии от конца каменной платформы стоит каменная колонна, увенчанная каменным шаром. Обозначающим солнце, надо полагать? Уверенности в этом не было, но догадка казалась вполне логичной, и мальчик решил исходить из нее.

На западной стене, возле которой они стояли, имелось множество изображений гаринафинов, саблезубых тигров, жутковолков, мшисторогих оленей, муфлонов со спирально закрученными рогами, огромных длиннорогих туров. Туры эти напоминали длинношерстных быков, которых разводили степные народы, но в отличие от них были поджарыми, хотя при этом, по всему чувствовалось, обладали незаурядной силой. Среди животных виднелись маленькие фигурки людей, размахивающих топорами и копьями в погоне за добычей, во много раз превосходящей их по размерам.

– Это люди Пятой эпохи? – спросил Радзутана. – Или же перед нами сцена из более поздних времен, уже после того, как их изгнали из рая?

Удивленная вопросом, Сатаари едва не выронила факел. Когда пламя затрепетало, фигуры на стене словно бы ожили.

– Не знаю, – отстраненно ответила шаманка.

Она пошла вдоль стены и поманила их за собой.

Когда тьма поглотила дрожащие картинки, Танто охнул. Там, где находились глаза животных и людей, вспыхнули какие-то призрачные точки. В нарисованных глазах угнездились светящиеся грибы, – видимо, это произошло, потому что в краске содержалось некое питательное вещество.

Танто обвел взглядом темный зал, и холодный пот заструился у него по спине. Многочисленные светящиеся точки в комнате напоминали глаза, устремленные на него и молчаливо его оценивающие. Мальчику стало интересно, все ли комнаты здесь украшены таким же образом. Прежде, не имея факела, он не мог разглядеть рисунков.

На руку его легла ладонь Радзутаны, теплая и сильная.

– Все хорошо, – подбодрил его ученый. – Смотри на эти рисунки как на звезды в небесах, способные указать нам путь к истине.

Мальчик кивнул, стараясь держаться поближе к своему старшему другу из Дара, пока они следовали за факелом Сатаари.

На северной стене характер изображений разительно изменился. Здесь над ландшафтом господствовали большие курганы, многие из которых были утыканы странными сооружениями. На курганах виднелись крошечные человеческие фигурки: одни поддерживали костры перед похожими на пещеры жилищами, другие располагались на вершине, танцуя или исполняя некие неведомые ритуалы.

На переднем плане простиралось большое озеро или даже море. По волнам его плыли корабли необычной конструкции, похожие на гигантских водомеров. Судя по тому, какими маленькими выглядели на их фоне люди, суда эти намного превосходили размерами коракли, которые использовали племена, обитающие на побережье Укью и Гондэ. Часть экипажей этих кораблей выбирала сети, тяжелые от улова. Рыбы выпрыгивали из воды, над которой порхала пернатая дичь.

– Только посмотрите, как много рыбы! – восхитился мальчик. – Мы столько никогда не видели. Это море Слез?

– Оно, наверное, было тогда еще не таким соленым, как сейчас, – пробормотал Радзутана.

Они стали разглядывать изображения дальше. Особо активная деятельность развернулась на участке между курганами и озером, занимавшем среднюю часть картины. Здесь, на одной стороне образованной рекой долины, в огражденных каменными заборами загонах паслись стада длинношерстного скота. Нарисованные животные выглядели куда более жирными, чем их дикие собратья на первой стене. На правом и левом краях картины, за пределами города из курганов, люди ехали верхом на мощных быках, сражаясь с саблезубыми тиграми и жутково-волками.

В центре речной долины другие ее обитатели толпились вокруг странного вида машин и сооружений. Некоторые из этих рукотворных конструкций занимали столько же места, сколько небольшой курган, тогда как другие были такими высокими, что исчезали в затянутом дымными облаками небе. Похожие по очертаниям на скелеты животных, но только с дюжинами, а то и сотнями конечностей и крыльев, исполинские машины приводились в действие прикрепленными к различным их частям длинными канатами, за которые тянули команды людей и быков. Одни костяные чудовища перемещали землю, насыпая новые курганы, другие тащили издалека каменные блоки, а третьи трудились близ множества мелких рек, текущих сквозь город курганов к озеру. Они сооружали дамбы или рыли обводные каналы.

На противоположном берегу речного эстуария, напротив машин, виднелись фигурки людей, которые работали в полях, разделенных на аккуратные грядки.

Радзутана наклонился поближе, чтобы рассмотреть нарисованные поля, и, что-то бормоча, стал делать пометки угольным стилусом на куске свернутой в свиток коры.

– Они были земледельцами! – воскликнул Танто. – Как мама и люди из Дара!

По-прежнему не говоря ни слова, Сатаари подвела их к следующей, восточной стене палаты.

Сцена снова переменялась. Среди заброшенных полей и пустых загонов валялось множество человеческих скелетов. В море не было больше ни рыбы, ни птиц, ни кораблей; орошающие землю реки тоже исчезли. Подобные башням машины, перемещавшие на предыдущей картине землю и воду, валялись среди курганов, разломанные на куски. Яркое солнце горело на лишенном облаков небе.

Внизу фрески были изображены два больших отряда, сошедшихся в жестокой битве. Гаринафины в небе плевались друг в друга огнем, а воины на земле сражались в тесном строю при помощи пращей, палиц, топоров и копий. У них за спинами небольшая группа людей карабкалась на курганы, таща сосуды и носилки с наваленным на них добром. На спинах они несли скелеты.

– Конец Пятой эпохи, – прошептал Радзутана.

Сатаари никак на это не откликнулась.

Наконец они подошли к южной стене. На этот раз на картине был изображен центр города, в самой середине которого виднелся огромный, намного больше всех прочих, курган. На вершине его отряд воинов собрался вокруг вождя, нарисованного с таким искусством, что он казался живым. Лицо его было перекошено от страха, он с мольбой протягивал руки к зрителям.

У подножия кургана висела длинная цепь людей: начинаясь от основания земляного сооружения, она уходила куда-то далеко прочь, за пределы картины. Люди передавали из рук в руки большие сосуды, а стоявшие у самого основания холма выливали их содержимое на землю. Что это могло быть? Вода? Кровь? Кьоффир в качестве подношения богам?

На переднем плане была изображена длинная процессия, направляющаяся к Великому кургану: люди, быки, овцы, собаки... Люди тащили на спинах тяжелые тюки, но оружия у них в руках не было. Во главе процессии виднелись большие погребальные носилки, на них возлежал, сложив руки на груди, одетый как вождь мужчина. Эта фигура тоже была прописана очень тщательно.

Над процессией кружило множество гаринафинов, явно выполнявших роль почетного караула.

– Курганы строились не как дома мертвых, – проговорил Радзутана. – Некогда тут был самый обычный город. Курганы служили дворцами, храмами, жилищами. Здешние обитатели пасли скот и возделывали поля, ловили рыбу в огромном озере с пресной водой.

И опять Сатаари ничего не сказала.

– Было ли это порабощением земли? – спросил Танто.

Женщина по-прежнему молчала.

– Эй, с тобой все хорошо? – осведомился Радзутана, ласково положив руку ей на плечо.

Выведенная из задумчивости, шаманка кивнула – медленно, словно бы все еще была погружена в грезы.

– Я... просто мне никогда прежде не доводилось бывать в месте, где так тихо, – хрипло промолвила она.

– Мы с Танто можем пошуметь, если хочешь, – предложил Радзутана, усмехнувшись.

Сатаари досадливо тряхнула головой:

– Ты не понимаешь. Когда я там, снаружи, боги всегда говорят со мной, даже если я не понимаю их голосов: ветер стонет над степью, птицы чирикают в кустах и в гнездах среди кактусов, мыши шуршат под землей, звезды перемаргиваются под свою безмолвную музыку... Но здесь я совсем ничего этого не слышу.

Радзутана и Танто переглянулись.

– Ты ощущаешь присутствие зла? – осторожно поинтересовался ученый.

– Нет... Скорее уж, похоже, что боги, из страха или из уважения, держатся поодаль от этих мест... Они как будто не хотят направлять нас, как если бы мы воистину были сами по себе.

Оба собеседника Сатаари молчали – не знали, что на это сказать.

Наконец шаманка тряхнула головой, словно бы сбрасывая некий невидимый груз, и опустилась на колени. Основание стены, освещенное теперь факелом, оказалось не просто сделанным из голого камня. Танто и Радзутана тоже склонились, чтобы повнимательнее его осмотреть.

Внизу вдоль стен зала повсюду были закреплены полосы тонкого, как пленка, материала. Он напомнил Радзутане гибкий, почти прозрачный пергамент, который Адьуллек и Сатаари использовали для голосовых картин во время Праздника зимы. Но вместо буйства цветов и прихотливых узоров, запечатлевающих движения танцовщиц и издаваемую барабанами музыку, эти полосы покрывал однотонный слой матовой дымчато-серой краски. По этому безликому фону шла одинокая тонкая бороздка, похожая на русло неспешной реки, что несет свои воды по пустынной равнине, или на след заплутавшего путника, пересекающего нетронутое море травы.

Это абстрактное изображение казалось одновременно бессмысленным и полным значения.

– Что это за материал? – осведомился Радзутана с благоговением. – Очень похоже на бумагу.

– Это оболочка желудка гаринафина, – пояснила Сатаари каким-то отстраненным тоном. – Она очень тонкая, но прочная – если правильно ее обработать, выдерживает многие поколения зим.

Заинтригованный, Танто ткнул в картину пальцем.

– Нет! – выкрикнул Радзутана, и Танто отпрянул.

Но было поздно, палец мальчика уже коснулся полосы. Ученый поморщился, опасаясь, что хрупкие линии окажутся повреждены.

Но они сохранились. Слой прозрачного лака покрывал изображение и защищал его от воздействия стихии, в точности как клей, который использовала Адьуллек для сохранения голосовых картин.

– Это духовный портрет, – вымолвила Сатаари сдавленным голосом. – Может, в этой погребальной камере их несколько, – добавила она, бросив взгляд на скелеты. – Мне никогда не доводилось видеть такого старинного, но, полагаю, и прежде все делалось точно так же. Эти портреты снимают с великих воинов прямо перед смертью, с целью поймать дыхание жизни, запечатлеть поток их духа.

– Поймать дыхание жизни... Запечатлеть поток духа... Но каким же образом? – заинтересовался Радзутана. – Подобно голосовым картинам?

Сатаари покачала головой:

– Таинства наши могут быть показаны только детям Афир.

– Но я – агон. Я почитаю наших богов и боюсь их, – заявил Танто.

Сатаари ласково посмотрела на мальчика:

– При всей своей храбрости, милый, ты пока еще не воин. Только пролив первую кровь, ты будешь посвящен в самые сокровенные из таинств. Не тревожьте эти священные портреты. Смотрите, но не трогайте.

– А истории, рассказанные на этих картинах, согласуются с известным тебе преданием? – спросил Радзутана.

– Здесь по-прежнему слишком тихо, – ответила Сатаари после долгой паузы. Выражение лица у нее было встревоженное, как если бы она не вполне могла поверить в некое видение, доступное только ее глазам.

Радзутана не понимал странного поведения шаманки. Он был готов побиться об заклад, что две тщательно выписанные фигуры на рисунках – это изображения тех самых людей, которые покоятся в этом зале и запечатлены на духовных портретах. Если исходить из рассказанной Сатаари легенды, это и были надменные вожди Пятой эпохи, прогневавшие богов своей гордыней и греховной жизнью. Воплотившие в себе все те пороки, которые так осуждали современные агоны. Однако вместо того, чтобы высказывать презрение и недовольство, Сатаари держится по отношению к ним весьма почтительно, даже благоговейно и, судя по всему, готова их защищать. Похоже, на самом деле шаманке известно гораздо больше, чем она желает признать...

– Мы с Танто осмотримся тут немного, – сказал Радзутана и зажег еще один факел от факела Сатаари.

Оставив женщину в задумчивости созерцать следующий духовный портрет, мальчик и ученый вернулись к центральному помосту, на котором покоились два скелета.

Радзутана вставил факел в дыру на конце помоста. Не будучи человеком религиозным, он тем не менее шепотом вознес молитву богам Дара и Гондэ, попросив их даровать покой душам усопших. Оба скелета принадлежали людям высоким и крепко сложенным; следы заживших переломов на их костях говорили о жизни, полной насилия.

Пока Танто разглядывал лежавшее на каменном помосте оружие, не желая распрощаться с мечтой обнаружить некое могучее магическое средство, Радзутана опустился на четвереньки, исследуя кувшины из обожженной глины, стоящие перед платформой. Из того, который Танто разбил раньше, высыпались семена, и ученый радостно хмыкнул.

Будучи возделывателем, Радзутана питал куда больший интерес к семенам, нежели к загадочным «духовным портретам», что бы это ни означало. В прежние времена, когда они еще жили в Кири, он пытался одомашнить и облагородить некоторые виды туземных клубней и дикорастущих зерновых, но, увы, без особого успеха. Поселение в долине полностью зависело от привезенных из Дара зерен: без них ничего бы не получилось. Но обитатели этого города курганов некогда практиковали земледелие и наверняка вывели культуры, хорошо подходящие к местным условиям. Поскольку сейчас у Радзутаны не было времени тщательно изучить найденные в погребальном зале семена, он просто сгреб как можно больше разновидностей оных и ссыпал все в висящий на поясе кошель.

– Кажется, я что-то нашел! – раздался возбужденный крик Танто.

Радзутана поднялся:

– Что именно?

Мальчик указал на каменные и костяные орудия:

– Посмотри на их расположение – как эти двое могли до них дотянуться?

Ученый понял, что имеет в виду Танто. Все инструменты – клинья, молотки, костыли, ножи с прямыми и кривыми лезвиями – были относительно короткими. Но вместо того, чтобы положить их возле рук усопших, чтобы те могли с легкостью воспользоваться ими в загробной жизни (если, конечно, намерение соплеменников действительно было таким), оружие находилось у них в ногах, вне пределов досягаемости.

– И лежали инструменты не так, – пробормотал Танто.

– Что ты имеешь в виду?

– Даже и не знаю, как объяснить... – Танто смутился. – До вашего прихода я обследовал эти орудия в темноте, и они выглядели иначе... Их передвинули!

– Но сие невозможно, – возразил Радзутана. – Мы с Сатаари ни к чему не прикасались.

– Я знаю, что говорю. Они передвинулись! – Танто сжал кулаки. – Возможно, это из-за света. Призраки ведь не любят свет, да?

Хотя Радзутана всегда гордился своей принадлежностью к поборникам разума и посмеивался над суевериями, однако сейчас, когда ученый находился в погребальной камере, рядом с двумя скелетами, слушая рассказ мальчика о том, как оружие покойников переместилось само по себе, по спине у него забегали мурашки. Он сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться, и осторожно промолвил:

– Я вовсе не утверждаю, что ты не прав, но давай проверим твою теорию, ладно?

– «Взвешивай рыбу», – произнес Танто, немного успокоившись.

Радзутана улыбнулся. Юный пэкью-тааса, скорее всего, и не догадывается, что частенько говорит как мать. Ученый взял факел, отошел подальше и, поместив его за большое каменное изваяние спящего быка, вернулся обратно.

Постепенно глаза Радзутаны и Танто привыкли к темноте, и на каменном помосте, словно рыбы из глубины моря, появились светящиеся точки. Но помимо этого, ничего не происходило.

– Вот! – вскричал Танто. – Именно это я и видел!

Слабые люминесцентные линии проступили на каменной платформе, соединив орудия с руками скелетов призрачными рукоятками.

– Это волшебство, – сказал мальчик. – Вот как они действовали оружием – при помощи невидимых рукоятей!

Радзутана снова взял факел и стал тщательно осматривать платформу, едва ли не упираясь носом в камень.

Теперь, хорошо представляя, что искать, он с легкостью заметил на поверхности слабые темные линии, совпадающие с очертаниями светящихся в темноте рукоятей. Ему вспомнились горящие глаза животных и людей на рисунках.

– Мне кажется... я знаю, в чем тут дело, – объявил ученый.

Он объяснил Танто, что костяные и каменные орудия были, скорее всего, прикреплены к рукояткам, сделанным из недолговечного материала, такого как дерево. Со временем рукоятки сгнили, оставив лишь следы на камне. Однако следы эти представляли собой идеальную среду обитания для населяющих внутренности кургана люминесцентных грибов. Так и возникла иллюзия «призрачных рукоятей».

Выслушав подобное толкование, мальчик явно приуныл.

– Но мне сдается, ты обнаружил кое-что более интересное, – продолжил Радзутана. – Если вообразить эти орудия с прикрепленными к ним длинными ручками, то получится и не оружие вовсе, а... сельскохозяйственные инструменты.

Танто и сам уже видел, что его старший товарищ прав. Стоило мысленно добавить к этим предметам «вооружения» рукояти, как они превращались в грабли, заступы, лопаты и прочие орудия труда, при помощи которых его мама и другие дара возделывали поля в долине Кири.

Мальчик постарался представить этих двух великих вождей Пятой эпохи работающими в полях. Опустив взгляд на пальцы ближайшего из скелетов, Танто вообразил, как они обхватывают ручку мотыги вместо изрыгающей гром боевой дубины. Перемена показалась ему такой разительной, что уголки его губ приподнялись в улыбке.

Внезапно он застыл:

– Пальцы! – Мальчик дернул Радзутану за руку и указал на скелеты.

Ученый какое-то время смотрел, не понимая, о чем речь, а потом глаза у него тоже расширились от изумления.

Для уверенности они еще раз вместе пересчитали пальцы скелета: один, два, три, четыре, пять, шесть. Пальцев было по шесть на каждой руке.

Оба в ошеломлении переглянулись. А потом подбежали к второму скелету и стали считать у него пальцы на ноге: один, два, три, четыре, пять, шесть. По шесть на каждой ноге.

Танто и Радзутана бросились к Сатаари, по-прежнему в безмолвии разглядывающей роспись на южной стене. При свете факела они пересчитали пальцы на сложенных руках у высокого мужчины на погребальных носилках в голове процессии: один, два, три, четыре, пять, шесть.

У великого героя Кикисаво было по шесть пальцев на каждой руке, что давало ему силу десяти медведей; у великой героини Афир было по шесть пальцев на каждой ноге, что делало ее выносливой, словно десять муфлонов.

– Стало быть, Афир и Кикисаво марали в грязи руки и ноги, – пробормотала шаманка.

Это казалось абсолютно невозможным, но орудия, которые были погребены вместе с ними, равно как семена, найденные близ каменной платформы, и росписи на стенах зала, свидетельствовали о невероятной правде. Героическая пара не была безвинно изгнана из рая. Напротив, эти двое были в ответе за те самые действия – по крайней мере, отчасти, – что как раз и навлекли гнев богов. Люди, которые возвели эти курганы и обрабатывали поля, были предками агонев и льюку. Они изготавливали такие же духовные портреты, почитали тех же богов и рассказывали многие из тех же самых легенд.

– Все древние мифы правдивы, – прошептала Сатаари. – Но мы неверно понимали их.

Танто и Радзутана не перебивали ее, хотя у них возникло множество вопросов, которые хотелось задать. Какую жизнь вели люди, построившие эти курганы? Какие события могли обратить роскошный рай, изображенный на ранних рисунках, в этот Город Призраков? Почему Кикисаво расстался с Афир, чтобы встретиться с ней после смерти?

– Как ты думаешь, что тут произошло? – спросил наконец Радзутана.

Сатаари покачала головой:

– Боги по-прежнему молчат.

– Может, нам стоит самим во всем разобраться?

Ясно было одно: Афир и Кикисаво прилагали все силы, чтобы сохранить свой образ жизни. Если, действуя так, они поработали землю, то не сожалели об этом до самого конца.

Хотя Танто и не добыл волшебное оружие, он заслужил восхищение всех детей в лагере. Ведь ни один воин ни в одной из легенд не смог войти в Город Призраков и вернуться оттуда живым.

– Ты такой же храбрый, как твой отец-пэкью, – на полном серьезе заявил Налу.

Танто покраснел и пробормотал слова благодарности.

В последующие месяцы Танто развлекал отряд рассказами о своих приключениях. Обладая от рождения талантом сказителя, он выдавал историю помаленьку, сохраняя интригу и всячески приукрашивая события. Каждый вечер заканчивался настойчивыми просьбами детей рассказать «еще чуть-чуть, ну хоть про еще один курганчик», однако Танто лишь загадочно улыбался и качал головой:

– Приходите завтра вечером.

Пережитый опыт также сблизил Сатаари и Радзутану. Когда ученый предложил посадить некоторые из добытых в Великом кургане семян, шаманка не стала возражать. Напротив, она даже вместе с ним копала оросительные каналы и орудовала лопатой и мотыгой, которые Радзутана изготовил по образцу увиденных в погребальной камере. Если уж сама Афир столь высоко ценила земледелие, что предпочла упокоиться вместе с сельскохозяйственными инструментами, а не с орудиями войны, то, может, идея выкапывать еду из земли и не лишена смысла, рассудила Сатаари.

Когда побеги взошли и начали буйно разрастаться, Радзутана стал задумываться о том, как собирать и хранить урожай и в конечном итоге как употреблять его в пищу. Он экспериментировал с различными рецептами, позволяющими в наибольшей степени раскрыть вкус

и питательность этих незнакомых клубней и зерен. К удивлению и радости ученого, Сатаари и дети охотно подключились к его опытам. Подчас, когда лагерь буквально гудел, поскольку все живо обсуждали, как лучше жарить или варить, каким должен быть огонь и какие следует добавлять специи, Радзутана улыбался и качал головой, представляя, что неким загадочным образом перенесся в кухню одного из крупнейших ресторанов Дара.

В следующую зиму никто не умрет от голода.

Глава 8

Ловушка

Горы Края Света, девятый месяц девятого года после отбытия принцессы Тэры в Укью-Гондэ (за восемь месяцев до предполагаемого отправления новой флотилии льюку к берегам Дара)

До намеченной даты возвращения Аратена оставалось три дня.

Ожидая его, Тэра постоянно летала ко входу в долину и молилась, чтобы со старым воином все было хорошо и чтобы он принес свежие новости про ее детей. Вот и сейчас принцесса вновь отправилась туда.

Внезапно Га-ал фыркнул, раздул ноздри и поднялся на лапах, выглядя при этом встревоженным. Потом зверь изогнул шею и посмотрел на наездницу. В его лишенных зрачков глазах отражался ужас.

– Что такое? Снова саблезубый тигр? – спросила Тэра и с опаской оглянулась вокруг.

Га-ал тряхнул головой и снова фыркнул. Сколько бы принцесса ни гладила его, зверь отказывался успокоиться. Изогнув змееподобную шею, он подтолкнул Тэру одним из рогов, побуждая ее к действию.

– Хочешь домой? Что ж, ладно.

Тэра подчинилась Га-алу, научившись доверять умению гаринафинов слышать то, что не улавливает человеческое ухо. Когда они вернулись в лагерь, она увидела, что все снуют туда-сюда, готовя Алкира к полету, растягивают на гаринафине боевые сети и надежно закрепляют припасы и оружие.

– Я рискнул использовать Алкира, чтобы предупредить тебя, – пояснил Таквал. – Будем надеяться, что даже если гаринафины льюку услышат безмолвный крик Алкира, они не смогут сообщить о нем своим всадникам.

– А что случилось? Нас обнаружили?

– Я заметил преследователей сразу за грядой и как можно скорее прилетел обратно. Нам нужно немедленно убираться отсюда.

– Но Аратен еще не вернулся! – возразила Тэра, и голос ее зазвенел от страха и тревоги. Верный старый тан был их единственным связующим звеном с внешним миром и ее единственной надеждой разузнать что-либо про детей.

– Медлить нельзя, иначе мы все погибнем. – Таквал был непреклонен.

– А что, если Аратен со своим отрядом вернется после того, как Кудью захватит долину?

Он ничего не ответил. Но его решительный вид (точь-в-точь такой же был у Таквала, когда он заявил, что Тэре и остальному флоту нужно уходить, а он останется сражаться с городом-кораблем льюку) без слов сказал ей все.

«Им предстоит отдать свои жизни, чтобы купить нам время».

Грудь сдавило, и потребовалось усилие, чтобы вдохнуть, но Тэра понимала, что муж прав. Ей всегда претило приносить жертвы, но в последнее время упрямство принцессы подточила боль: множества жизней оказались загубленными по ее вине.

«Следует смотреть на вещи шире, и ни в коем случае нельзя поддаваться сантиментам».

Они снялись с места ближе к полудню, покинув лагерь у хребта Ноги, служивший им домом на протяжении нескольких месяцев.

Однако беглецы не успели даже выбраться из долины, когда поняли, что оказались в ловушке. Патруль льюку, который заметил Таквал, был лишь крохотной частью огромного войска, окружившего долину и отрезавшего все выходы из нее. В каком бы направлении ни сунулись мятежники, повсюду они замечали внизу отряды гаринафинов. Дабы сберечь подъем-

ный газ, звери передвигались на лапах, ковыляя по горной местности. Таквал вел свою группу близко к земле, совершая резкие повороты, в надежде, что их пока еще не заметили.

В конце концов у них не осталось иного выхода, кроме как идти на посадку.

– Нас предали, – сказал Таквал, сдавленным от ярости и досады голосом.

– Как? Кто?

Они с Тэрой переглянулись. Учитывая время атаки, ответ напрашивался сам собой.

– Но почему льуку не напали раньше? Аратен наверняка должен был привести их сюда после первой своей вылазки...

Тэра почувствовала, как кровь стынет у нее в жилах. Ей вспомнился последний разговор с Аратеном: вопросы, которые он тогда задавал, и его странная реакция на ее ответы...

– О боги, – прошептала принцесса. – Он выведал у меня время открытия нового прохода в Стене Бурь.

Скорее всего, Кудью не собирал никаких шаманов и предсказателей, чтобы рассчитать дату. Зачем утруждаться, когда есть способ намного проще: втереться в доверие к жене Таквала, сообщив новости про детей, найти лазейку в ее сердце, вызвав одновременно чувство вины и благодарности, а затем прощупывать почву, кормя принцессу ложью и подталкивая ее в нужном направлении до тех пор, пока она сама не выболтает секрет?

– Но почему? – прошептала Тэра, покачнувшись, как от сокрушительного удара. – Почему Аратен так поступил?

– Не стоило мне быть таким доверчивым, – сквозь зубы процедил Таквал. – Следовало хорошенько усвоить урок после предательства Вольу!

Нет средства заглянуть в глубины человеческого сердца. Кто знает, может быть, Аратен согласился служить льуку, поскольку его вынудили к этому, хотя не исключено, что старый тан сделал сие добровольно, в расчете получить выгодный пост при новом порядке Кудью. Предательство, как и любовь, предстает в тысяче тысяч самых разных облиций.

В голове у Тэры была каша, сомнения обступали ее со всех сторон, совсем как окружившие их льуку. Во что можно верить? Неужели все, что говорил Аратен, было ложью?

И, практически не отдавая себе в этом отчета, принцесса начала молиться богам Укью-Гондэ. Внезапно самобичевание Таквала и проклятия, адресованные их спутниками, агонами и дара, гнусному изменнику, померкли в ее сознании. Она снова стояла на широкой равнине под бескрайним небом, где воздух наполнял прозрачный божественный свет. Могучие бури бушевали над степью внизу: огромные смерчи танцевали и пели, задавали вопросы и указывали направления; искривленные ветви непокорных кустарников и эфемерные вспышки молний разделяли мир на тысячи тысяч черно-белых фрагментов.

Тэра молилась о том, чтобы обрести ясность мыслей, и скорее ощутила, чем услышала низкий рокот далекого грома. Правда оросила ее сердце, словно капли живительного дождя.

– С Танто и Рокири все хорошо! – объявила она, резко выдохнув, когда вынырнула из другого мира. – И с другими детьми тоже.

Таквал и прочие в замешательстве воззрились на нее.

– Неужели вы не понимаете? – воскликнула принцесса. – Если бы Кудью действительно наложил лапы на наших детей, в этой уловке не было бы нужды. Он мог бы захватить нас и вывести все, что мы знаем, угрожая причинить вред ребятишкам. Единственная причина, по которой льуку разыграли хитроумную комбинацию с Аратеном, заключается в том, что замысел Тоофа и Ради увенчался успехом.

При этих ее словах надежда вспыхнула в сердце у каждого из беглецов. Но радость их длилась совсем недолго.

– И как же нам теперь остановить флот вторжения, если Кудью известно, когда именно его следует отправлять? – в смятении спросила Тэра.

Сами, Типо и другие ее соратники из Дара беспомощно переглянулись. Неужели принцесса сама загубила все своей неосмотрительностью и их жертвы оказались напрасными?

– Тольуса цветет в разгар зимы, – сказал Таквал. – И в тот момент, когда обстоятельства складываются наихудшим образом, удача начинает поворачиваться к нам лицом. Обещаю, если мы выберемся отсюда живыми, то не остановимся до тех пор, пока Татен и города-корабли не сгинут в пламени.

Солнце клонилось к закату. Для Аратена и его карательного отряда близилось время нападать.

Еще до полудня старый тан убедился, что Таквал, Тэра и прочие беглецы стоят лагерем в долине, в том самом месте, где он их оставил. Вместо немедленной атаки Аратен распорядился выждать до тех пор, пока преследователи не окружат место, полностью отрезав любые пути отступления.

Всю вторую половину дня тан держал своих гаринафинов таким образом, чтобы их не было видно: они отдыхали в тени невысокого гребня, опоясывающего долину. Он знал о привычке Таквала ежедневно летать в дозор и рассчитывал захватить его гаринафинов, когда те уже истратят часть подъемного газа, тогда как их собственные скакуны будут полны сил. Разумеется, гаринафинов у лъуку намного больше, никакого сравнения с парой крылатых зверей, которыми располагал Таквал, но на всякий случай лучше подстраховаться.

Подобная осторожность импонировала его новому хозяину, Кудью Роатану. Тот вообще был по натуре человеком подозрительным, а уж когда его обманули Тооф и Радия, и вовсе стал параноиком. Даже после того, что Аратен сделал для лъуку в долине Кири, пэкью не до конца доверял этому перебежчику-агону. Хотя именно Аратен предложил план, как обманом вытянуть из Тэры необходимые сведения, Кудью продолжал удерживать семью тана в заложниках, дабы обеспечить его преданность. Чтобы рассказ Аратена выглядел более правдоподобно, Кудью лично нанес тому раны, и страшные шрамы помогли убедить Таквала и прочих в верности старого соратника.

Аратен вздохнул. Когда Тэра неосмотрительно выболтала тайну, он едва не выдал себя: так стыдно было ему злоупотреблять доверием принцессы. Но он все-таки сумел справиться с угрызениями совести и не повел себя глупо. В любом случае однажды совершенное предательство ведет ко все новым и новым изменам. Обратного пути уже нет.

Тан старался убедить себя, что у него просто-напросто не было выбора. Ну как могут Таквал и Тэра всерьез верить, что способны победить Кудью Роатана, самого могущественного пэкью за всю историю степных народов? После разгрома тайного лагеря в долине Кири власть Кудью над племенами агонев сделалась еще более незыблемой, чем во времена его прославленного отца Тенрю Роатана.

Аратена не прельщала перспектива разделить судьбу других пленников из долины Кири, которых отправили на каторжные работы в Татен. Если хорошенько поразмыслить, то станет ясно: на самом деле он оказывает агонам услугу, захватывая пэкью-самозванца и его супругу из варварской страны Дара, – это единственный способ обеспечить мир, дать его народу выжить, пусть даже в качестве рабов. (Разумеется, это был также шанс для самого Аратена и его сторонников доказать свою преданность Кудью и, возможно, стать полноценными лъуку. Однако старый тан предпочитал трактовать свои эгоистичные поступки в более благородном и даже героическом свете.)

Вот уже над горами на западном краю горизонта осталась только половинка солнца. Аратен дал воинам знак подготовить гаринафинов и выстроиться в боевой порядок. Пришло время раз и навсегда покончить с мятежниками.

– После сегодняшней победы, – шепотом сообщил он своим приспешникам, – вас всех могут произвести в наро-вотаны.

– И мы сможем поздравить тебя с принятием в клан Тасарику! – льстиво добавил один из соратников.

– Если это будет угодно великому пэкью, – ответил Аратен с улыбкой.

Неожиданно у них над головами пронеслись две тени, направляясь на запад. Ощувив волну воздуха, поднятого ударами мощных крыльев, тан прищурил глаза и пригнулся.

«Что происходит?»

– Гаринафины! Гаринафины улетают! – разразились криками его приспешники.

Аратен поднял взгляд и выругался. Таквал и Тэра наверняка заметили его и лишь выжидали благоприятного момента, чтобы перехватить инициативу.

Следовало отдать должное отважному пэкью и его жене. Они, вероятно, всю вторую половину дня следили за Аратеном, стараясь захватить его врасплох. Вместо того чтобы принять последний бой в долине, мятежники понадеялись превратиться из добычи в охотника и прорваться через кольцо окружения, дабы искать спасения в опускающейся на землю ночи.

– За ними!

Карательный отряд поднялся в воздух. Вскоре четыре гаринафина с полными экипажами бросились в отчаянную погоню за двумя гаринафинами мятежников. Большинство наездников Аратена составляли льуку, которые были временно переданы ему под командование. Откровенно говоря, старый тан сомневался в том, что они станут беспрекословно повиноваться его приказам: ведь он всего лишь агон-перебежчик, чья преданность под большим вопросом. По счастью, его собственная команда была составлена из агонов, сдавшихся Кудью вместе с ним. Эти воины разделили судьбу со своим таном и сделают все, что он скажет.

Хотя Алкир и Га-ал несли тяжелый груз из людей и поклажи, оба они рассекали воздух с казавшейся неестественной легкостью и постепенно отрывались от преследующих их гаринафинов. Учитывая, что Га-ал был слишком стар, даже чтобы считаться полноценным боевым скакуном, это выглядело подозрительно: столь выдающееся достижение несколько смущало Аратена.

Солнце между тем уже почти скрылось за горизонтом, а как только опустится тьма, у мятежников появится реальная возможность ускользнуть.

Ужас сдавил сердце тана. Он умолял Кудью оказать ему честь, отдав под его начало отряд гаринафинов в этой последней атаке, в надежде лично захватить Таквала и Тэру и снискать вящую славу. Но теперь Таквал выбрал его, сочтя наиболее слабым звеном в кольце окружения, и, если беглецы сумеют ускользнуть, всю вину непременно возложат на Аратена. Чересчур подозрительный Кудью может даже решить, что он такой же обманщик, как Тооф и Радия...

«Нет... Этого допустить никак нельзя!»

Тан закричал в рупор, побуждая своего крылатого скакуна лететь быстрее. Но гаринафин и так уже тяжело дышал.

Пришло время для отчаянных мер.

Аратен повернулся и сделал заранее оговоренный знак одной из всадниц. Та освободилась от сбруи, пробралась вперед по сеткам и встала рядом с ним.

– Ты уверен, вотан? – прокричала она ему в ухо.

Он энергично кивнул.

Женщина пролезла мимо него и вскарабкалась на длинную изогнутую шею гаринафина. Боевой скакун, приученный льуку к полному подчинению, никак не отреагировал на столь необычный маневр. Примостившись среди рогов, наездница при помощи веревок из сухожилий надежно привязала себя. Затем достала из-за спины мешочек и осторожно вылила его содержимое на веки гаринафина.

Аратен обернулся, желая убедиться, что все члены команды крепко держатся в сбруе. Учитывая то, что им сейчас предстояло пережить, это было жизненно важно.

Женщина полностью опустошила мешочек и замерла в ожидании.

Гаринафин взвыл. Кожа у него на веках зашипела и пошла волдырями, от раненой плоти поднимался легкий дымок. В приступе боли зверь резко мотнул головой и бешено забил крыльями.

Концентрированный сок жгучего кактуса иногда использовался льюку в качестве оружия или инструмента для пыток. Попад на чувствительные веки гаринафина, он вызывал неимоверную боль. В сочетании с тольусой кактусовый сок провоцировал у боевых скакунов приступ невероятной силы и ярости: в течение некоторого времени зверь не обращал никакого внимания на раны и усталость и был способен прилагать невероятные усилия, совершая действия, далеко выходящие за пределы его обычной выносливости. Разумеется, после применения столь сильного средства бедное животное, полностью истощив силы, как правило, умирало.

Искалечить или погубить таким образом одного из боевых гаринафинов льюку неизбежно означало навлечь на себя гнев Кудью. И единственным способом избежать расправы было доставить пэкью плененных Таквала и Тэру.

Команда Аратена держалась изо всех сил, когда их скакун резко рванул вперед, оставив остальных гаринафинов далеко позади. Судорожно дыша, с колотящимся сердцем, он бешено махал крыльями, не обращая внимания на боль и увечья.

Постепенно он нагнал спасающихся бегством агонских гаринафинов. С трудом удерживаясь, ибо встречный ветер так и сбивал их с ног, наездники обрушили на мятежников, которые сгрудились на спинах животных, нахлобучив шлемы из черепов, целый шквал камней из пращей и дротиков. Поскольку перед льюку стояла задача взять бунтовщиков живыми, применять огонь было нельзя. Некоторые из метательных орудий угодили в цель, и команда Аратена разразилась ликующими криками. Пораженные агоны падали или содрагались от удара камней, но больше никак на нападение не реагировали. Старый тан надеялся, что раны, нанесенные беглецам, окажутся не смертельными – он строго-настрого запретил своим людям целиться в голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.